

ДЖОАНН ХАРРИС

УЗКАЯ ДВЕРЬ

— ЦИКЛ «ГОРОД МОЛБРИ» —

Магия жизни. Проза Джоанн Харрис (Paperback)

Джоанн Харрис

Узкая дверь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Д.

Узкая дверь / Д. Харрис — «Эксмо», 2021 — (Магия жизни.
Проза Джоанн Харрис (Paperback))

ISBN 978-5-04-177440-0

Ребекка Прайс – главная героиня захватывающего романа Харрис, действие которого происходит в школе "Сент-Освальдз". Впервые за 500 лет существования школы ее директором становится женщина, девочки допускаются к обучению, и в воздухе витают перемены. На строительной площадке нового спортивного зала четверо учеников преподавателя латыни Роя Стрейтли находят человеческие останки. Стрейтли полон решимости во всем разобраться, но понимает, что Ребекке уже давно известно о найденном теле. С мастерством Шахерезады она рассказывает Стрейтли свою историю, на протяжении нескольких недель. Ребекка вспоминает о разрушительных последствиях исчезновения ее старшего брата и о мрачных событиях, которые произошли в 1989 году...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-177440-0

© Харрис Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	18
Глава четвертая	20
Глава пятая	22
Часть вторая	25
Глава первая	25
Глава вторая	32
Глава третья	35
Глава четвертая	41
Глава пятая	45
Глава шестая	48
Глава седьмая	52
Глава восьмая	55
Глава девятая	60
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	68
Часть третья	71
Глава первая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джоанн Харрис

Узкая дверь

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Доктору Филипу Оливеру (1948–2020)

Предисловие Танатос¹

«Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят его».
Евангелие от Матфея, 7:14.

«Сент-Освальдз», сентябрь, 2006

Я часто замечаю, что такие мужчины, как вы, Рой, недооценивают таких женщин, как я. Вы, должно быть, полагаете, что мы в каком-то смысле ущербны. Что мы стремимся к власти, дабы компенсировать некую реальную или воображаемую несправедливость. Что мы должны ненавидеть мужчин за то, что они не допускают женщин в свои клубы «для мальчиков», что они всячески мешают им развиваться, что они в течение многих веков всячески их оскорбляют и эксплуатируют. Ну, в общем, да, в чем-то вы, возможно, и правы. Некоторые вещи и впрямь вынуждают женщин идти в контратаку, давать мужчинам отпор. Но многое в поведении мужчин, бросая нам вызов, лишь делает нас сильнее.

Женщина в роли директора школы? Ну, ежели такое возможно, думаете вы, значит, все то, во что мы до сих пор верили, попросту вывернуто наизнанку. Как мы вообще могли до такого дойти? Как допустили, чтобы наш мир оказался перевернут с ног на голову? И вы, мистер Стрейтли, говорите себе (имея в виду, разумеется, меня): такие женщины, как она, встали на этот порочный путь *не без причины*. Вы полагаете, что корни стремления женщины добиться успеха таятся в ее слабости. Или в ее гневе на мужчин; или в ненависти; или в страхе; или в ощущении ненадежности собственного положения. Вот именно поэтому я и одержу над вами победу. Ибо вы уверены в исходной слабости женщин. Даже тех, что сумели преуспеть, занять руководящий пост и обрести определенную власть.

Вот тут-то и кроется ваша ошибка, мистер Стрейтли. Я отнюдь не чувствую, что мне грозит опасность. Нет у меня и ощущения ненадежности собственного положения. И детство у меня было относительно спокойным и небогатым событиями, если не считать одного случая, когда я была еще совсем малышкой. Мои сексуальные партнеры казались мне удивительно безликими, почти до уровня единообразия. За исключением, пожалуй, Джонни Харрингтона, который лишил меня невинности, когда мне было шестнадцать, и еще полгода меня трахал, в итоге подарив мне ребенка и некое сомнительное удовлетворение от того, что я впервые в жизни по-настоящему занималась сексом, причем если и не с убийцей, то почти со столь же «замечательным» персонажем, разве что рангом чуть пониже. А в ином отношении он, как и все прочие, был вежлив, чрезвычайно уверен в себе и вполне предсказуем; так и ехал верхом на присущих ему с детства привилегиях, пока не занял место директора школы. Собственно, он во многих отношениях был прирожденным директором. Образцовый ученик школы «Сент-Освальдз», настолько уверенный в своем предназначении, что ему никогда даже в голову не приходило сомневаться, а соответствует ли он такому посту. Да, я действительно помогала ему подняться по карьерной лестнице. Но отнюдь не из каких-то там чувств или из-за того, что он некогда пожертвовал мне малую толику своей спермы – о существовании Эмили он понятия не имел, как и о том, чего мне стоило растить ее в одиночку, – а просто потому, что это соответствовало *моим* целям. Я всегда издали следила за его карьерой, а он за моей не следил никогда. И в итоге я увидела для себя некую возможность. К тому времени как мы с ним вновь объединились, я уже могла предложить ему кое-какие полезные навыки и

---

¹ В греческой мифологии бог и олицетворение смерти; брат-близнец Гипноса, бога сна; изображался в виде крылатого демона. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

умения и стала для него не просто заместителем, но и доверенным лицом, вторым человеком в команде после него самого. А он, как всегда охотно, принимал мои услуги и даже мысли не допускал, что и я могу иметь собственные амбиции. Когда же после череды прошлогодних ужасных событий все его построения рухнули – я, собственно, не сомневалась, что так оно и случится, – я оказалась тут как тут и временно заняла его место, пока «Сент-Освальдз» пытался оправиться после очередного скандального происшествия. Ну, а решить остальные проблемы было совсем нетрудно. Все эти мужчины – как и вы, Стрейтли, – меня попросту недооценили. Так что мне для достижения поставленной цели потребовалось лишь немного времени, капелька лести, толика терпения, определенные усилия и выносливость, необходимая для того, чтобы вынести все те оскорбления и унижения, с которыми неизбежно сталкивается на своем пути любая честолюбивая женщина.

Но сейчас, сидя в *моем* директорском кабинете – который некогда был *его* кабинетом, – попивая кофе из *его* кофейной машины и развлекаясь бездумным созерцанием имен на Досках Почета, украшающих обшитые деревянными панелями стены, я чувствую, что справедливость все-таки восторжествовала. Это *мой* кабинет; это *мой* письменный стол. На подоконнике цветут *мои* орхидеи. И на парковке под окном *мое* законное место. Это *моя* кофейная машина. *Моя* чашка. *Моя* школа. Я эту должность заработала. Я здесь на своем месте. И мне больше ничего и никому не нужно доказывать. Школа «Сент-Освальдз» со всей ее историей, со всем ее безжалостным патриархальным багажом теперь моя. И сегодня именно я сижу в директорском кресле этой школы; и утром во время собрания именно я буду стоять за кафедрой в качестве Нового Директора «Сент-Освальдз» – хотя никогда еще ни одна женщина за целых пять веков этот пост не занимала, – и держать речь перед учащимися, среди которых теперь не только мальчики, *но и девочки*; и именно я поведу этих детей прочь от невежества и средневековых заблуждений.

В школе «Сент-Освальдз» издавна была популярна пословица: *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем женщине войти в эти ворота*. Ну что ж, я не только вошла в эти ворота, но и сделала их *моими*; отныне я сама устанавливаю здесь правила. Ошибка, которую вы, мужчины, совершили, оказалась весьма существенной. Впрочем, мужчины всегда совершают эту ошибку, поскольку привыкли повсюду входить через парадные двери. Женщинам же приходится быть более осмотрительными. И нам, чтобы пробраться внутрь незамеченными, нужна всего лишь узкая боковая дверь. А уж когда мы туда пробрались, словно паук сквозь замочную скважину, то сразу начинаем ткать из шелка собственную империю, вызывая у вас, мужчин, невероятное изумление.

А вот вы, Рой, мне всегда очень нравились. Правда. И не думайте, пожалуйста, что если в прошлом году я и была в команде ваших противников, то отнюдь не испытывала к вам ни уважения, ни приязни; вы и тогда были мне симпатичны. Но вы в любом случае неотъемлемая часть *старой* школы, а я принадлежу будущему. Хотя вряд ли вы понимаете, что это означает. Вы всегда составляли с «Сент-Освальдз» некое неразрывное целое, всегда принадлежали этой школе – и ребенком, и взрослым мужчиной. И вам, чтобы туда войти, никогда не нужно было пользоваться узкой боковой дверью. Неужели даже после прискорбных событий прошлого года вы все еще верите, что я над вами сжалюсь?

Как же мало вы меня знаете, Стрейтли! Я пережила в жизни куда больше бед и неудач, чем вы можете себе представить. Я родила свою дочь в семнадцать лет, но так ни разу в жизни и не назвала ей имени ее настоящего отца. Мне было двадцать три, когда я стала преподавать в одной школе, очень похожей на «Сент-Освальдз». И мне буквально на каждом шагу пришлось сражаться за свое место в жизни, преодолевать бесконечные предрассудки, сексизм, осуждение. Я выжила после двусторонней мастэктомии – и мне не на кого было положиться. Я пережила смерть мужа и старшего брата; моя любовная история тоже закончилась трагически. Я видела, как медленно умирали мои родители. Моя дочь, покинув меня, переехала в Аме-

рику. Я совершила два убийства; одно в состоянии аффекта, второе – по расчету. Мне всего сорок лет, но я уже начинаю пожинать урожай, посеянный моими амбициями. В общем, сейчас мое время, мистер Стрейтли. И нет, я ничуть не сломлена.

Я абсолютно целостная личность.

Часть первая Ахерон² (река скорби)

Глава первая

(Классическая школа³ для мальчиков⁴) «Сент-Освальдз», академия⁵, Михайлов триместр⁶, 4 сентября 2006 года

Не стану притворяться: меня охватывает ощущение некоего зловещего предзнаменования, когда я в очередной раз вычеркиваю на первой же странице школьного дневника, некогда выпущенного специально для классической школы «Сент-Освальдз», столь важные слова. Но делать это приходится – ведь теперь «Сент-Освальдз» больше уже не классическая школа для мальчиков, а *Академия*; это, как уверяет нас новый директор, позволит нам подняться невероятно высоко, чуть ли не в стратосферу, и стать одной из лучших независимых школ Севера.

Для такого рецидивиста, как я, это, похоже, конец. Пресловутый «ребрендинг», начавшийся в прошлом году под эгидой Джонни Харрингтона, нашего *предыдущего нового директора*, успел уже проникнуть в каждую щель «Сент-Освальдз» и заполнить все вокруг точно зловредный сорняк. Влияние Харрингтона проявилось тогда буквально во всем – от снятия Досок Почета в Среднем коридоре до усовершенствования рабочих мест в учительской и замены привычных черных классных досок *абсолютно белыми*. Кроме того, в каждом классе появились девочки. У нас даже девиз изменился. Теперь это «*Прогресс через традиции*». Видимо, подразумевается, что экспресс прогресса, промчавшись сквозь традицию, как сквозь некий туннель, с триумфом вынырнет наружу, весело растоптав по дороге все то, во что мы верили и на чем стояли.

Но после прошлогоднего хаоса, на какое-то время воцарившегося в нашей школе, а также после тех трагических событий, которыми был отмечен позапрошлый год, кое-кто, наверное, сказал бы, что нам еще повезло. Давно откладываемое слияние «Сент-Освальдз» с «сестринской» грамматической школой для девочек «Малберри Хаус» несколько отвлекло болезненное внимание общественности от наших внутренних проблем, а благодаря появлению у нас в старших классах юных представительниц прекрасного пола местная пресса разразилась целой чередой одобрительных статей, хотя до сих пор она – это сложилось чисто исторически – относилась к нашей школе скорее отрицательно. Впрочем, она, безусловно, умна, мысли свои выражает предельно четко, имеет вполне презентабельный вид и отлично умеет находить общий язык со средствами массовой информации. На днях в последнем выпуске «Молбри Икземи-

---

² Ахерон – в греческой мифологии болотистая, медленно текущая река в царстве Аида, через которую души умерших переправлялись в челне Харона.

³ Во всех главах, посвященных дневниковым записям Стрейтли, зачеркнутое определение «классическая школа для мальчиков» свидетельствует о том, что этот старый учитель по-прежнему использует для своих записей чистые школьные дневники былых лет, как об этом упоминается и в предыдущем романе Дж. Харрис «Другой класс».

⁴ Грамматическая, или классическая, школа (grammar school) в Великобритании – это государственное или частное учебное заведение для детей от 11 до 18 лет, окончивших начальную школу и прошедших отборочные испытания (так называемый экзамен eleven-plus). Те, кто получил высокую оценку, поступают в шестой класс (sixth-form), где учатся обычно 2 года – в «младшем шестом» (lower sixth) и «старшем шестом» (upper sixth). Затем еще два года учебы в старших классах, где ведется подготовка к сдаче аттестационных экзаменов (A-level). Успешное окончание такой школы дает право на поступление в высшие учебные заведения. Классическая школьная программа предусматривает изучение древнегреческого и латинского языка, в отличие от программ средней современной школы (secondary modern school) или технической школы (technical school).

⁵ Статус «академия» дается привилегированному частному учебному заведению, самостоятельному в финансовом отношении.

⁶ Осенний триместр в англоговорящих школах Северного полушария.

нер» на первой полосе помещен портрет госпожи Бакфаст: она в одном из своих элегантных брючных костюмов стоит среди наиболее фотогеничных девочек, новых учениц «Сент-Освальдз», облаченных в новую и весьма симпатичную школьную форму (утвержденную, разумеется, самой госпожой Бакфаст); все они улыбаются прямо в объектив камеры и похожи на генералов армии, одержавшей решающую победу.

Да, именно госпожа Бакфаст составляла, можно сказать, треть пресловутой Антикризисной Команды Джонни Харрингтона, и именно ей пришлось почти в течение года заменять его. И вот теперь она наконец-то с полным правом воцарилась в директорском кабинете. Ее коллеге, директору школы «Малберри Хаус» (мисс Ламберт, или Зовите-меня-просто-Джо⁷), была предложена должность заместителя директора «Сент-Освальдз», но она предпочла пораньше выйти на пенсию и с тех пор не раз была замечена на различных престижных приемах, где, как мне рассказывали, во время послеобеденных разговоров собирает поистине грабительские взносы на всевозможную благотворительность. Второй заместитель Харрингтона и тоже бывший член его Антикризисной Команды занял пост директора в другой школе. Доктор Маркович, который всего лишь с прошлого года преподает у нас немецкий язык, стал Вторым Директором «Сент-Освальдз», что вызвало гнев и разочарование не только у доктора Дивайна, который постоянно продвигал и поддерживал Марковича и теперь воспринимает его резкое повышение по службе как предательство, но и у Боба Стрейнджа, нашего Третьего Директора, который с самого начала был сторонником Ла Бакфаст и не сомневался, что его давно откладываемый переход на следующую карьерную ступень – это всего лишь маленькая формальность.

Языковых кафедр слияние двух школ практически не коснулось, хотя кое-кому из моих пожилых коллег и пришлось потесниться, поскольку в наши ряды влилось несколько молодых преподавателей. Впрочем, Китти Тиг по-прежнему возглавляет французскую кафедру, доктор Дивайн – немецкую, а я, единственный преподаватель классических языков, из последних сил защищаю вверенное мне подразделение. Пока осталась на месте мисс Малоун (она же Береговая Сирена), и двое преподавателей перешли к нам из «Малберри Хаус»: молодая женщина типа Низкокалорийный Йогурт (по моей классификации) и молодой человек с маленькими, совершенно бандитскими усиками, хотя и чересчур изнеженный, чтобы быть членом настоящей преступной группировки, и слишком модный, чтобы принадлежать к числу Офисных Костюмов⁸.

Вы, возможно, предположили, что подобные перемены даже меня подтолкнули к намерению покинуть наше старое судно и сойти на берег? Что ж, не стану отрицать: подобная мысль приходила мне в голову. Вот только что стал бы я делать с таким количеством неожиданно обретенной свободы? Такие старые Твидовые Пиджаки, как я, крайне редко процветают, выйдя на пенсию. Мы истлеваем подобно савану на мертвом теле, не выдерживая соприкосновения со свежим воздухом. В прошлом году мы уже потеряли троих: Гарри Кларка; Пэта Бишоп, умершего слишком молодым от инфаркта – хотя сердце его было разбито еще два года назад, – и моего старого друга Эрика Скунса, чей давний план выйти на пенсию и перебраться в Париж был грубо нарушен инсультом, за которым последовала яростная атака старческой деменции. Мой лечащий врач говорит, что такое часто бывает в результате сильных душевных потрясений, а Скунсу за прошлый год пришлось пережить сразу несколько таких потрясений, в том числе смерть матери. Эрик закончил свои дни в хосписе «Медоубэнк» – там же умер и Гарри Кларк – через три месяца после повторного инсульта, что, по-моему, было просто божьей милостью, ибо к этому времени Скунс утратил способность говорить, а глаза у него были как

⁷ Персонаж книги Дж. Харрис «Другой класс», директор школы для девочек.

⁸ Классификация учителей «Сент-Освальдз» (по Рою Стрейтли) приведена в романе Дж. Харрис «Другой класс». Это, например: Бизнесмен, или Офисный Костюм; Ярый Сторонник, или Зануда; Бывший Ученик; Твидовый Пиджак (сам Стрейтли); а школьные дамы – это чаще всего Драконы или Низкокалорийные Йогурты.

у потерявшейся собаки. Впрочем, для меня он был потерян задолго до этого – но сейчас мы не станем говорить ни о том старом запутанном деле, ни о моих подозрениях насчет мальчика, которого когда-то звали Дэвид Спайкли. Ведь со всем этим теперь покончено, не так ли? Так стоит ли снова копаться в прошлом? Ныне наш «Сент-Освальдз» движется только вперед, ну и я с ним вместе.

У меня в этом году новый класс. В моем прежнем классе 4S, ныне 5M, классным наставником назначена мисс Малоун, она же Береговая Сирена, и я даже думать боюсь, какую кровавую бойню могут в порядке мести устроить ей мои «Броды Бойз»⁹ – Тайлер, Сатклифф, МакНайр и Аллен-Джонс. На кого-то голос Береговой Сирены, может, и способен произвести впечатление, но мои бывшие ученики очень скоро поймут, что за громкостью звука там больше ничего не скрывается, и моментально почувствуют себя в родной стихии. Да, черт побери, я действительно по ним скучаю. Я два года вел этот класс. Они знали все мои маленькие слабости. Но, увы, слишком многое у нас изменилось за минувший год – новый директор, новый преподавательский состав и, по сути дела, новая школа. Неужели теперь и надеяться нельзя, чтобы *хоть что-то* осталось прежним?

В моем новом классе 2S учатся и мальчики, и девочки. Класс большой – тридцать два ученика. После слияния с «Малберри Хаус» увеличилось не только количество учеников в каждом классе, но и требования к преподавателям пропорционально повысились, зато (по словам нашего нового Казначей) существенно увеличились доходы школы и расширились наши финансовые возможности. Прямо брак по стовору между обедневшим аристократом и наследницей богатого купца! Ну что ж, слияние школ, может, и впрямь поправит наше финансовое положение, но в прежний образ жизни, к сожалению, внесет существенные коррективы. Хотя в этом году больше никто даже не заикался насчет продажи школьных игровых полей. И, должен признаться, это *действительно* принесло мне огромное облегчение. Однако эффект от положительного решения вопроса о полях был существенно снижен тем, что с появлением в школе девочек прежний порядок был во многих отношениях нарушен: всюду чувствовались новые запахи; со всех сторон раздавался звонкий девичий смех; на ланч теперь предлагалось множество всяких сложных салатов; в здании школы пришлось выделять для необходимых девочкам удобств особые помещения и т. д. Сюда же относилось и строительство новых площадок для нетбола, раздевалок, туалетов, душевых и даже нового спортивного комплекса, который собираются еще и плавательным бассейном дополнить. Этот комплекс оплатили родители Руперта Гундерсона; они же «одолжили» собственную фамилию для утвержденного ими приза за блестящие академические успехи: Медаль Руперта Гундерсона. И ведь вряд ли можно было бы сказать, что Руперт Гундерсон, будучи учеником, хоть в чем-то проявил сколько-нибудь заметные способности – если не считать его умения жестоко пользоваться слабостью мальчишки, который был существенно младше и не так развит физически, – только ведь подобные вещи с легкостью предаются забвению. Особенно когда речь идет о крупных денежных вливаниях.

Впрочем, строительные работы в Доме Гундерсона велись примерно так же, как сам юный Руперт Гундерсон когда-то учился, – из рук вон плохо. Все делалось крайне медленно и с большими перерывами. Во всяком случае, чести школе такое строительство явно не делало. Строители уже нарушили все крайние сроки, совершенно не считаясь с запланированными допусками, а в итоге всякая деятельность на стройке вообще остановилась. И пока что вместо новенького спортивного комплекса с бассейном мы к новому учебному году получили грязную строительную площадку, а посреди нее неприглядного вида бетонный остов, обнесенный проволочной оградой; все это ожидало теперь решения Совета Попечителей, который должен был собраться лишь в следующем месяце. Я уже предчувствую, что в этом триместре дежурным на

---

⁹ Отсылка к книге Мюриел Спарк «Мисс Джин Броды в расцвете лет», а точнее, к девочкам, любимицам учительницы, мисс Броды.

переменах придется хорошенько следить за этой стройкой, чтобы оградить ее от проникновения нежелательных элементов.

Но на сегодня у меня запланированы другие дела. Первый день осеннего триместра для учеников «Сент-Освальдз» традиционно считается свободным, и преподаватели имеют возможность спокойно провести собрание, заняться подготовкой письменных заданий и тому подобным, постепенно погружаясь в привычную рутину без помех, конкретно связанных с занятиями в классе. Именно поэтому я пришел в школу уже в 7.30 утра и для начала выпил чаю из своей любимой кружки, а потом, устроившись за учительским столом, стал изучать свой класс примерно с тем же выражением лица, с каким Кнут¹⁰ пытался удержать приливную волну. Да, по «Сент-Освальдз» за летние каникулы тоже явно прошла некая мощная волна, унесшая прочь все старые школьные парты с отверстиями для чернилниц и крышками, за сто с лишним лет успевшими сплошь покрыться всевозможными рисунками и надписями на латыни, по большей части прискорбно неграмотными, но полными живительного юношеского задора, который абсолютно не способен отразить обычный пластик. Мой стол, впрочем, оставили на месте, несмотря на настойчивые предложения нового директора заменить его чем-нибудь «более современным и достойным звания Мастера¹¹». Насколько я могу предположить, Ла Бакфаст хотела бы поставить в мой кабинет нечто тяжеловесное, вроде того нового монстра из кедра, какой стоит теперь у доктора Дивайна, или того массивного стола из красного дерева с бронзовым письменным прибором, какой красуется в ее директорском кабинете.

Однако я просидел за своим обтерханным допотопным столом уже более ста триместров и знаю на нем каждую царапину, каждый след сигареты, потушенной о столешницу, каждое граффити. Третий ящик как заедал с самого начала, так и до сих пор заедает; а в самом верхнем ящике к задней стенке намертво прилипло что-то почерневшее, возможно, некогда это был лакричный леденец. Нет уж, с моим столом я не расстанусь вплоть до того дня, когда меня вынесут из «Сент-Освальдз» вперед ногами. Что же касается этих новых *рабочих столов с пластиковым покрытием*, то я уже договорился с нашим привратником Джимми Уоттом, и он вскоре переправит их в какой-нибудь другой класс, а в мой класс вернутся привычные старые парты (в настоящее время они хранятся в подвале и ждут уничтожения). Джимми, конечно, предстоит немало работы, ведь ему придется втаскивать каждую парту по узкой лестнице ко мне на Колокольню, но он обладает сразу несколькими счастливыми качествами: он добродушен и его легко совратить, пообещав всего лишь пятьдесят фунтов и выпивку в «Жажущем школяре». Подобное вознаграждение он считает более чем достаточным.

Я осторожно, украдкой, закуривая свою любимую «Голуаз». Запах дыма навевает грустные ностальгические мысли. Осень в этом году наступила рано; деревья в Верхнем Парке похожи на горящие факелы, да и заросли кипрея на дальнем краю игровых полей сменили ярко-розовый цвет на дымчато-белесый. Осень – мое самое любимое время года, исполненное меланхолии, зрелости и прозрачного света. Но этой осенью почему-то преобладает именно меланхолия.

Господи, как же мне не хватает Эрика! Эрик был столь же неотъемлемой частью моей жизни, как запах мела, мышей и полироли у нас в Среднем коридоре. Я этого запаха почти не замечал, пока он не исчез совсем, и теперь Средний коридор благоухает цветочным дезинфектантом, а мел для классной доски давно заменили вонючим маркером. Я понимаю, что Эрика больше нет, что он ушел навсегда, однако по-прежнему надеюсь, что наткнусь на него на лестнице или в учительской и услышу знакомое: «С добрым утром, Стрейтс».

¹⁰ Герой сказки финского писателя Ц. Топелиуса (1818–1898) «Кнут-музыкант».

¹¹ То есть преподаватель, имеющий степень магистра. Постоянно подчеркивается важность этого звания, а также то, что в таких дорогих частных школах, как «Сент-Освальдз», от преподавателей требовалось надевать докторскую мантию.

Это просто время года такое. И это пройдет. Но как же я по нему скучаю, по этому старому идиоту! Скучаю, даже несмотря на ту прискорбную историю. Хотя, возможно, скучаю я по тому человеку, каким Эрик мне казался? Каким я хотел бы его видеть? От подобных мыслей мне становится не по себе. И все-таки как ему удавалось столько лет скрывать от меня свою мрачную тайну? Однако нельзя же сбросить со счетов шестьдесят лет нашей с ним общей жизненной истории. Я ведь отлично помню его и мальчиком, и молодым человеком. Помню, каким он был до той истории с Гарри Кларком. И знаю: какой бы ужасный поступок он ни совершил, в глубине души у него рядом с гневом и тьмой всегда таились доброта и любовь.

Согласно верованиям древних греков, в царство Аида пять рек: Ахерон, река печали и горя; Коцит, река плача; Флегетон, река огня; Стикс, река гнева и ненависти; и, наконец, Лета, воды которой дают благословенное забвение. Если это так, то путь, ведущий в Аид, уже преодолен мною как минимум на четыре пятых. События прошлых лет заставили меня преодолеть огонь и воду, тьму и печаль. И теперь единственное, на что я, наверное, еще могу надеяться, это благословенный дар забвения. Рад ли был Эрик Скунс тому дару, какой приносит человеческой душе Лета? Или же наоборот – боролся с течением? И что выбрал бы я, оказавшись на его месте? Забвение или вечные угрызения совести?

Надо, пожалуй, выпить еще чаю, чтобы отогнать призраков прошлого. И преградить путь Лете. Это мой излюбленный способ. Для этого у меня под столом имеется чайник, а в столе – несколько пакетиков чая и одноразовых упаковок ультрапастеризованного молока. Заварочным чайником я никогда не пользуюсь. Пить чай я всегда предпочитал из своей сент-освальдовской кружки. До недавнего времени и кружка Эрика по-прежнему стояла в буфете у нас в учительской, но в конце прошлого триместра я заметил, что ее оттуда убрали. Еще одной вещью, напоминавшей мне об Эрике, стало меньше. А может быть, кому-то из наших новых уборщиков просто приглянулась его кружка с принцессой Дианой?

Приготовив себе чай, я снова уселся за стол, поджидая Джимми, и, услышав стук в дверь, был совершенно уверен, что увижу за «мраморным» стеклом его круглую физиономию.

– Войдите, – сказал я, и, к моему удивлению, в класс ввалилось сразу несколько человек, причем один из них был облачен в нечто невероятное – розовое, жуткого неоновое оттенка; такую вещь наш Джимми никогда бы не согласился на себя надеть.

Это, разумеется, была все та же хорошо мне знакомая четверка: Сатклифф, Аллен-Джонс, МакНайр, а также Бенедикта Уайлд – она же *мальчик* Бен, – с которой (или с которым?) они подружились в прошлом году, хотя она и была на год их старше и теперь училась уже в «старшем шестом», то есть выпускном, классе, а они пока еще только в пятом. Все «Бродячие Бойз»¹² были, разумеется, не в школьной форме, и, конечно же, именно Аллен-Джонс красовался в той кричаще-розовой майке, на которой еще и имелась загадочная надпись: ПО СРЕДАМ МЫ ВДРЕБЕЗГИ РАЗНОСИМ ПАТРИАРХАТ. Может, это шутка такая? – подумал я и промолчал. Должен признаться: школьный юмор претерпел весьма сильные изменения по сравнению с теми куда более солнечными и куда более простыми временами, когда ученики развлекались незамысловатыми стишками на латыни, по-английски звучащими как полнейшая абракадабра: *Цезарь к чаю варенье имел, Бруту же крыса досталась...*¹³

Пожалуй, узнал я их не с первого взгляда. Мальчишка без школьной формы – все равно что домашний кот в ночи; он, как и кот, держится куда более независимо и даже игриво и выглядит куда более чужим, чем днем. И потом, конечно же, мои мальчишки здорово выросли: с ними так всегда после каникул. Впрочем, Аллен-Джонс по-прежнему выглядит мальчишкой

¹² Подробнее о том, кто такие «Бродячие Бойз», рассказывается в романе Дж. Харрис «Другой класс».

¹³ Пример шуточной студенческой латыни, Dog Latin, основанной на принципе «как слышится, так и пишется». Caesar adsum iam forte / Brutus aderat (Случилось так, что я, Цезарь, уже здесь / И Брут также был здесь) превращается в Cesar had some jam for tea / Brutus had a rat.

по сравнению со своими повзрослевшими приятелями. А Бен – давно уже принятая в общество «Броди Бойз» – сделала себе новую и очень короткую стрижку, которая наверняка вызвала бы у этой «Просто-Джо» пароксизм недовольства.

При виде столь представительной делегации я поставил кружку с чаем на стол и встал, хотя для светского визита было все еще слишком рано, часы показывали только 7.45. А тот факт, что все «Броди Бойз» были без формы, свидетельствовал: они неким образом *постарались позабыть*, что первый день осеннего триместра предназначен исключительно для преподавателей.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро, сэр. – Аллен-Джонс всегда был у них спикером. Но сегодня вид у него был какой-то неестественно серьезный. На мгновение у меня мелькнула ужасная мысль: что-то случилось с Тайлером – он, единственный из «Броди Бойз», сегодня отсутствовал. Но потом я вспомнил, что вся семья Тайлера уехала на лето в израильский кибуц, а самого юного Тайлера следует ждать в школе лишь к концу этой недели. Наверное, мысли мои все еще были заняты стариной Скунсом, но я уже догадывался, что произошло нечто очень нехорошее.

– Что случилось? – спросил я. – У вас какие-то неприятности? – В любое другое время я бы, возможно, добавил еще какое-нибудь веселое и не совсем приличное латинское выражение, но, глядя на их серьезные лица, решил, что в данный момент это было бы совершенно неуместно. И я снова подумал о Тайлере. Столь много бед уже постигло нашу школу, что мысль о возможности потерять еще одного из моих дорогих мальчиков заставила мое сердце тревожно забиться. А в груди вновь пробудилось знакомое ощущение некоего призрачного пальца, который иногда начинал двигаться где-то на уровне третьей пуговицы жилета – это было одно из неприятных напоминаний об инфаркте, два года назад надолго уложившем меня в постель. – Да в чем же дело? – воскликнул я как-то совсем уж нервно.

Аллен-Джонс быстро переглянулся с остальными. Бен кивнула. Сатклифф остался недвижим; он вообще показался мне каким-то невероятно бледным – с другой стороны, при такой рыжей шевелюре у него и цвет кожи соответствующий, причем вне зависимости от времени года, так что иной раз может показаться, что он всю жизнь провел в глубокой пещере. А тот призрачный палец все продолжал осторожно продвигаться вверх по направлению к сердцу, и больше всего мне хотелось спросить, жив ли Тайлер, но произнести столь страшный вопрос вслух я не решался. Как известно, дай своему страху голос, и страх обретет реальную форму. Как тот *lupus in fabula*¹⁴.

– В чем дело? – снова спросил я охрипшим от волнения голосом.

– Сэр, – сказал наконец Аллен-Джонс, – мы вроде бы нашли чей-то труп.

---

¹⁴ «Волк в басне» (*лат.*); выражение употребляется в значении «легко на помине» и восходит к поверью, что о волке лучше не говорить, иначе он может неожиданно появиться.

Глава вторая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 4 сентября 2006 года

Некоторое время у них ушло на то, чтобы изложить все достаточно связно. Аллен-Джонс, к моему сожалению, никогда не умел излагать свои мысли коротко и ясно, а уж сразу перейти к сути дела и вовсе был не способен. И потом, остальные постоянно вмешивались, добавляя всякие ненужные подробности, и в этой круговерти вставных эпизодов основной сюжет попросту терялся.

Если коротко, то суть истории такова. Желая отметить начало учебного года, эти юные хулиганы задумали некий розыгрыш. У меня даже сомнений не возникло, что их план – если бы, конечно, он осуществился – стал бы одновременно и весьма остроумным, и довольно разрушительным. Их, разумеется, давно уже соблазнял вид недостроенного и оставленного без присмотра Дома Гундерсона – стройка велась вдали от школы, за игровыми полями, но недалеко от нее был боковой вход на школьную территорию, так называемая Калитка Привратника, получившая свое название в давние времена, когда возле нее еще жил в своем домике настоящий привратник, – ибо Совет Попечителей, приняв решение временно приостановить строительные работы, велел всего лишь обнести площадку изгородью из проволоочной сетки.

– Мы попытались туда пробраться, – рассказывал Аллен-Джонс. – Нам хотелось начать новый триместр с какой-нибудь настоящей, классической, шутки. Ну, помните, как однажды «младшему шестому» удалось поставить автомобиль «Моррис Майнор» на крышу физического кабинета? (На самом деле это был не «Моррис Майнор», а «Мини-Купер», и мальчишки загнали его не на крышу кабинета физики, а всего лишь на теннисную площадку, но я решил пока что пропустить это преувеличение мимо ушей. Самое главное – эта проделка давно стала школьной легендой и вошла в историю «Сент-Освальдз», так что мои «Броды Бойз», естественно, воспринимали ее как некий вызов собственной сообразительности и изобретательности.)

– И какую же «классическую» шутку вы задумали? – осторожно поинтересовался я. – Только, пожалуйста, не говорите, что вы украли подъемный кран.

Бен, переглянувшись с остальными, тоже осторожно заметила:

– Не совсем так, сэр.

– О господи!

– И вообще это была моя идея, – сказала Бен, которая теперь смотрела на меня с мятежной непокорностью. Насчет ее авторства я ничуть не сомневался: эта девочка (или все-таки мальчик?) всегда была на редкость умна и сообразительна. – Хотя в данный момент мне бы не хотелось вдаваться в детали...

– Но, сэр, ей-богу, все вышло бы просто классно! – встрял Аллен-Джонс, сверкая глазами от возбуждения. – Честно говоря, если бы нам это удалось, то история с «Моррис Майнор» выглядела бы сущей ерундой.

Остальные дружно закивали. По-моему, им было страшно жаль, что ничего не получилось. Теперь уже, должен признаться, в голову мне стали приходить мысли о том, что сутью якобы неудавшейся шутки и была сама эта история, задуманная, чтобы поставить меня в дурацкое положение, сделать жертвой их розыгрыша. Однако поведение «Броды Бойз» по-прежнему было весьма необычным, и я отказался от подобных подозрений.

– Итак, вы попытались туда проникнуть, и что именно там случилось? – спросил я.

– Мы обнаружили, что в одном месте проволоочная сетка прорвана, – сказал Аллен-Джонс, – и пролезли в это отверстие, решив, что начало положено и можно приступить к дальнейшим расследованиям. Совсем рядом с дырой оказалась огромная куча всякого мусора,

земли и камней, которую, наверно, должны были вывезти, а за ней как раз и оказалась та великолепная Зияющая Дыра...

– Бассейн Гундерсона, – быстро пояснил МакНайр.

Я, собственно, уже и так догадался. Бассейн начали строить как раз неподалеку от Боквой Калитки, в той части школьных игровых полей, которая после сильных дождей часто бывает затоплена. А после того, как экскаватор выкопал там яму, соответствующую своими размерами будущему плавательному бассейну и вскоре заполнившуюся водой, образовавшийся «пруд» начал собирать неплохой урожай – три магазинных тележки, детский скутер и великое множество консервных банок, бутылок и прочей дряни. И вот сегодня утром там, значит, оказалось и еще кое-что.

– Это там вы обнаружили *тело*? – тихо спросил я.

Они опять дружно закивали; шутить им явно больше не хотелось.

– Вернее, нечто похожее...

Видимо, из-за дождей груда мусора сползла в вырытый котлован, заодно обрушив и часть его берега и обнажив нечто похожее...

– ...на *человеческие останки*, – за всех договорила Бен.

Я только вздохнул:

– Наверное, нам лучше вместе сходить туда и посмотреть.

Я давно уже отринул все мысли о шутках и розыгрышах. Слишком уж серьезны были лица этих детей, слишком страшной была тема нашего разговора. Я встал, аккуратно поставил чашку на стол и стал машинально напяливать свою мантию, которая, как всегда, висела за дверь. Примерно так престарелый рыцарь привычно облачается в свои боевые доспехи. В мантии я чувствовал себя совершенно готовым к дальнейшим действиям. И, чувствуя, как болезненно екает мое сердце, словно готовое вот-вот оторваться и куда-то упасть, я решительно двинулся через игровые поля – точно знаменосец во главе крошечного войска, в котором уже погиб каждый десятый.

Глава третья

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов три-местр, 4 сентября 2006 года

За летние каникулы Дом Гундерсона из обычного непрезентабельного долгостроя превратился в некую иллюстрацию к одному из кругов Ада. Особенно жутко выглядел будущий бассейн: на его затопленном конце образовалось нечто вроде айсберга из разнообразного мусора; бурая стоялая вода была покрыта блестящей маслянистой пленкой. Следом за мальчиками я проник на стройку через дыру в изгороди – двигаясь, правда, не с такой легкостью, как они, – и с некоторым усилием присел на корточки на краю котлована, где земля уже снова сползла вниз под собственной тяжестью. Колени мои, разумеется, тут же яростно запротестовали.

– Вон там, сэр!

Это могло быть чем угодно. И все же *ничем иным* это быть не могло. Чувство неизбежности, какое иногда возникает в тревожных снах, уже охватывало мою душу. Я наклонился, стараясь как можно внимательней рассмотреть большой комок полустгнившей ткани и то, что вполне могло бы оказаться и обыкновенным куском дерева или корнем, вылезшим из искорененной земли на краю будущего бассейна.

Только это не было ни веткой, ни корнем. А еще я заметил, что как бы внутри того грязного комка ткани поблескивает нечто весьма мне знакомое.

И тут колени мои окончательно взбунтовались. К сожалению, я уже достиг того возраста, когда, прежде чем наклониться, человек дважды подумает, стоит ли это делать. Заметив, что на ботинке у меня развязался шнурок, я воспользовался этим, снова наклонился и, завязав шнурки двойным узлом, с ворчанием поднялся на ноги. Лишь после этого я снова повернулся лицом к «Броди Бойз».

– Ну, что скажете, сэр?

Мне страшно хотелось сказать им, что все хорошо, что они просто ошиблись, что им следует сейчас разойтись по домам и насладиться последним днем летних каникул. Я чувствовал, что они и сами этого хотят. И, возможно, уже почти в это поверили. Но ведь это были мои «Броди Бойз», им я не мог солгать. Может быть, кому-то другому, но только не им.

И я честно признался:

– Похоже, вы были правы. И мне придется сообщить об этом директору.

– А нам придется давать показания? – спросила Бен.

Я покачал головой:

– Вряд ли. Хорошо, что вы пришли с этим именно ко мне. Спасибо. А теперь представьте все мне. Я сам этим займусь. А вы никому больше не говорите, что вы тут обнаружили. Вы же не хотите навредить следствию?

Аллен-Джонс с надеждой спросил:

– Как вы думаете, сэр, это действительно *человеческие* останки?

Полагаю, у такого мальчика, как Аллен-Джонс, подобное открытие, да еще и на территории родной школы, вызвало столь же сильное возбуждение, какое испытывает собака на собачьей площадке; еще бы, такая волнующая тайна, поистине долгожданное событие, взрывающее тупую каждодневную рутину. Я же, его учитель, воспринимал это совершенно иначе. Последние два года были тяжелыми для всех нас. Многочисленные скандалы, убитый мальчик, месть, насилие, позор в глазах общественности – все это самым дурным образом сказалось на репутации школы, ее рейтинг сильно упал, и мы оказались буквально на краю банкротства. И в новом учебном году нам менее всего нужны были всякие неприятные тайны и дополнительные волнения. Я призвал на помощь все свои навыки преподавателя и с важным видом заявил:

– Я во всем разберусь, Аллен-Джонс. Вам больше этим заниматься не нужно. – И с этими словами я снова нырнул в проделанную в изгороди дыру и действовал столь энергично, что острые концы прорванной проволоочной сетки впились в мягкий валик плоти, давно уже образовавшийся у меня на талии, и сильно оцарапали бедро. В итоге на моей белоснежной, все-таки-первый-день-занятий, сорочке расплылись зловещие кровавые пятна.

Еще один дурной знак. Сегодня уже третий. И он был гораздо хуже предыдущих, ибо возвещал не просто приближение грозowych облаков, а неминуемый ураган. Дело в том, что мне все-таки удалось разглядеть то, что поблескивало в груде грязного тряпья на берегу будущего бассейна; для моих «Броды Бойз» этот предмет, даже если б они его и заметили, никакого значения не имел. Но *я-то* хорошо его разглядел и знал, что он означает. Еще одно послание из прошлого. Причем такое, что если сейчас его вскрыть и прочесть, то в нашей школе, которая только-только начинает приходить в себя после прошлогодних ужасных событий и не менее ужасных событий позапрошлого года, воцарится такой хаос – как финансовый, так и эмоциональный, – что в итоге «Сент-Освальдз» все-таки рухнет, несмотря на все усилия нашего нового директора и спасательной команды из «Малберри Хаус».

Ничто не может оставаться навеки похороненным, думал я. Прошлое никогда не устает делать свои подарки, вытаскивая из огромной черной шляпы различные имена. Дэвид Спайкли, Беки Прайс – ныне оказавшаяся миссис Бакфаст, Эрик Скунс, Гарри Кларк. Однажды, возможно, прошлое вытащит на свет божий и мое имя. Я сунул руку в карман. Предмет, который я подобрал на краю котлована, на ощупь был неприятно холоден. И я вдруг подумал: если я сейчас просто уроню эту штуковину на землю где-нибудь на игровых полях, то ее вскоре втопчут в грязь, и тогда никто ничего не узнает. Да никому и дела не будет до какой-то древней истории. Как говорится, во время войны закон должен спать. *Inter arma enim silent leges*.

А что, у нас *действительно* идет война? Возможно. История с партами была только ее началом. Затем в классах появились белые доски, новая школьная форма для девочек в виде симпатичных сарафанчиков, компьютеры, электронная почта, новые лозунги. Например, «*Прогресс через традиции*». Я все еще стоял возле пролома в изгороди, и мне было хорошо видно, как мои «Броды Бойз» бредут через размокшее грязное поле; розовая майка Аллен-Джонса светилась, точно маяк, а Сатклифф обернулся и помахал мне.

Я вытащил руку из кармана и помахал в ответ. Я понимал, что выбора у меня нет. Возможно, в рекламной брошюре нашей школы лозунг «*Прогресс через традиции*» и сменил более привычный *Audere, agere, auferre*¹⁵, но мой личный девиз так и остался прежним: *Ad astra per aspera*¹⁶. Ибо мы, даже свалившись в грязную канаву, всегда продолжаем стремиться к звездам.

Я обернулся. Эхо мальчишеского смеха звонко разносилось по игровым полям. Я вздохнул и с тяжелым сердцем побрел в сторону директорского кабинета.

¹⁵ «Дерзать, трудиться изо всех сил и победить» (лат.).

¹⁶ «К звездам – через тернии» (лат.).

Глава четвертая

«Сент-Освальдз», 4 сентября 2006 года

Беки была единственным ребенком в семье, и все же у нее был брат. Звучит как загадка, не правда ли? И, пожалуй, в определенном смысле так оно и было. Потому что мой брат исчез, когда ему было всего четырнадцать лет, и не оставил после себя ничего, кроме горя и некой пустоты, имевшей форму мальчика, которую я так никогда и не сумела ничем заполнить, поскольку она все разрасталась, а я по сравнению с ней словно становилась все меньше и меньше.

Моим родителям уже доводилось терять ребенка. Моя старшая сестра умерла еще до рождения Конрада, но родители редко о ней упоминали. У нас дома не было ни одной ее фотографии, и никакого портрета в гостиной тоже не было. Я знала, что моя сестренка умерла вскоре после своего появления на свет, потому что у нее было что-то не в порядке со здоровьем. И какое бы горе мои родители тогда ни испытывали, горе это было смягчено пониманием, что девочка – не жилец. С Конрадом же все было совершенно иначе. Его они всегда считали абсолютно идеальным ребенком.

Мне было всего пять лет, когда Конрад исчез. Слишком мала, чтобы понимать, что это означает. Так что я далеко не сразу догадалась, что отныне мой мир изменился навсегда. И еще очень долго не понимала: мне никогда, как бы я ни старалась, не занять то пустое пространство, что осталось после ухода Конрада; что я всегда буду ощущать его отсутствие как холодный сквозняк из открытой в ночную тьму двери. И впоследствии я не раз читала все это в глазах моих родителей. Отсутствие Конрада словно окутало холодом мое детство и юность; отсутствие моего брата оказалось куда могущественней моего реального присутствия в жизни родителей и полностью меня затмевало. Это продолжалось и когда я родила, и когда вышла замуж, и когда овдовела, и когда у меня наступила ранняя менопауза. Даже теперь, когда я стала директором школы «Сент-Освальдз», я порой слышу тот знакомый голос: *Ты здесь? Неужели ты и впрямь все еще жива?*

Я налила себе еще кофе. Джонни оставил мне в наследство свою кофейную машину – впрочем, особого-то выбора у него и не было, – весьма дорогое устройство, в сверкающих хромированных поверхностях которого я вижу собственное отражение и лишний раз убеждаюсь: я здесь, я жива. Наконец-то я действительно жива, я настоящая, а не просто чье-то отражение. Не просто какое-то имя. Не просто призрак из кофейной машины.

Я уже говорила, что чувствовала себя настоящей, целостной. Но чувство это было мной выстрадано. И в течение многих лет мне казалось, что у меня недостает некой важной части. Хотя на самом деле никто мне ничего такого не говорил. Однако дети всегда чувствуют подобные вещи сами. Вот и я чувствовала, что в иные дни я как бы исчезаю, растворяюсь в своем безмолвном мире, и дни моей жизни утекают без следа, как утекает в сливное отверстие вода из наполненной раковины. И все это отражалось в глазах моих родителей; да, я *видела* в их глазах бесконечную тоску и жестокое разочарование. Как если бы они предпочли, чтобы я, а не Конрад, оказалась тем ребенком, которому суждено было исчезнуть. Возможно, именно поэтому еще в ранней юности я научилась использовать секс как некую форму власти над другими. Я уже знала, какие желания пробуждаю у представителей противоположного пола, и очень быстро научилась заставлять мальчишек воспринимать меня такой, какая я есть, *по-настоящему меня видеть* – хотя бы до тех пор, пока им самим это нравилось. Например, я не нахожу иной причины любовного влечения ко мне, которое вдруг возникло у Джонни Харрингтона; сама я совершенно точно никогда не была в него влюблена, но какое-то время искренне наслаждалась обретенной над ним властью. Но и тогда для родителей я по-прежнему оставалась неким призраком вроде тех фантастических звуков и стуков, какие возникают в водопро-

водных трубах. Мало того, я постоянно служила им напоминанием о том трагическом дне, когда исчез мой брат.

Теперь, конечно, мои родители уже умерли. Вообще все герои этой истории либо мертвы, либо изменились до неузнаваемости. И никто уж больше не сравнивает меня с Конрадом. Никто не винит меня в его смерти. И родительский дом перестал быть местом поклонения Конраду, ибо теперь там живет самая обыкновенная и очень милая маленькая семья, понятия не имеющая о том, какая драма разыгралась в этих стенах много лет назад. Отец, мать, двое детей и джек-рассел-терьер. В маленьком садике у них растут розы. И номерные радиостанции¹⁷ никто больше не слушает. И старые ворчливые канализационные трубы наконец-то заменили. А я так и не успела тогда заменить сломанную крышку на унитазе. В день рождения я всегда получаю от этих людей поздравительные открытки.

Но ничто не может длиться вечно. Как и прошлое никогда не кончается. Вот почему я совершенно не удивилась, когда вы, Рой, сегодня пришли ко мне с сообщением о найденном трупе. Я, пожалуй, даже ждала этого. Целых двадцать лет ждала, когда кто-нибудь буквально споткнется об эту улику, торчащую из земли. Я даже усматриваю некий поэтический смысл в том, что подобная «честь» выпала Рою Стрейтли. Именно Стрейтли, этому шаркающему ногами старому шуту, который невольно послужил причиной падения Джонни Харрингтона. Именно неподкупному Стрейтли, которого многие считают сердцем и душой «Сент-Освальдз». Но именно «Сент-Освальдз» и станет причиной моей победы над Стрейтли. «Сент-Освальдз» – это его главная слабость, как когда-то моей главной слабостью был Конрад. Но в отличие от меня Рой Стрейтли не способен исторгнуть эту слабость из своей души. Он носит ее в себе, как некоторые продолжают носить любимое старое пальто, глупо считая его надежными доспехами. Вот почему я не испытала ни капли страха, когда Стрейтли пришел ко мне сегодня утром. Вот почему я и глазом не моргнула, когда он извлек из кармана некий маленький металлический предмет и положил его передо мной на стол.

Наоборот, я испытала даже некое облегчение и подумала: *Наконец-то! Значит, его все-таки нашли.*

---

¹⁷ Коротковолновые радиостанции, которые передают в эфир набор чисел, слов или букв, представляющих собой зашифрованные сведения и могут принадлежать самым разным организациям: например, разведке или же тайным тотализаторам.

Глава пятая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 4 сентября 2006 года

Надо все-таки отдать должное этой Ла Бакфаст: ее не так-то просто вывести из себя. Она спокойно выслушала мою историю, затем взяла двумя пальцами тот металлический предмет, который я украдкой извлек из кучи мусора возле Дома Гундерсона, и одарила меня улыбкой Моны Лизы.

– Вы, конечно же, узнали, чем это было прежде? – сказал я.

Она кивнула:

– Да, конечно. – И, указывая на кофейную машину, спросила: – Могу я соблазнить вас чашечкой кофе? Эта машина готовит очень вкусный капучино, хотя Джонни вообще-то предпочитал эспрессо.

– Нет, спасибо. – Я и без того был достаточно взвинчен. Все-таки не каждое утро твои ученики обнаруживают на школьных игровых полях мертвое тело, но Ла Бакфаст, похоже, восприняла принесенную мной новость совершенно иначе: словно для нее это было всего лишь легким раздражающим фактором, а не страшной бедой, которая вот-вот обрушится на «Сент-Освальдз» подобно ужасному Джаггернауту¹⁸.

– Вы понимаете, что это означает? – спросил я, глядя, как она готовит кофе. – Нам ведь придется сообщить полиции. Начнется расследование. Оформление бесконечных документов. Строительство снова будет приостановлено – и не на месяцы, а, возможно, на годы. А родители? Что станут думать родители наших учеников? А уж когда этот вопрос начнут разбирать на Совете Попечителей... Вы понимаете, госпожа директор, что подобная история способна уничтожить «Сент-Освальдз»? – Я вдруг понял, что в пылу собственной аргументации назвал ее *директором*.

Впрочем, Ла Бакфаст опять же ничем своих чувств не проявила, а спокойно посыпала свой капучино порошком какао из стеклянной баночки и сказала мне:

– Вы всегда все слишком драматизируете, Рой. Ваши ужасные предсказания вполне могут и не осуществиться. – Она изящно отпила глоточек кофе, стараясь не испачкать край чашки своей помадой. – А теперь давайте начнем с самого начала, хорошо? Спокойно расскажите мне все, что вам об этом известно.

И она указала мне на ту шутовину, которую мне удалось выудить из грязи возле Дома Гундерсона. Эта железка вряд ли была больше ногтя моего большого пальца, однако, по-моему, имела огромное значение для разгадки данной тайны. За двадцать лет пребывания под землей краски ее, некогда яркие, сильно полиняли, но я хорошо помнил, какой густой темно-красный цвет, цвет хорошего старого кларета, имело поле этого значка. Булавочная застежка, разумеется, давно отломилась, да и металл насквозь проржавел и стал грязно-коричневым, но форма значка полностью сохранилась: щит, на котором еще различимы были призраки букв, некогда написанных золотой краской и способных сложиться в слова:

ПРЕФЕКТ¹⁹ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ «КОРОЛЬ ГЕНРИХ»

Некоторое время я тупо смотрел на эту надпись. Такая крошечная вещица. Такая крошечная – но она способна стереть с лица земли целую школу. В какой-то миг я пожалел, что тогда не присыпал этот чертов значок землей, не скрыл от чужих глаз и его, и тот грязный комок тряпья и костей, который некогда был человеческим существом. Однако на том каме-

---

¹⁸ Джаггернаут – одно из воплощений бога Вишну; в переносном смысле – сокрушительная сила.

¹⁹ Примерно то же, что староста; обычно это ученик старшего класса, следящий за дисциплиной; назначается администрацией школы.

нистом пути, что ведет нас к звездам, немало подобных искушений. А преподаватель школы «Сент-Освальдз», Мастер, обязан подавать правильный пример своим воспитанникам. И должен всегда быть честным, храбрым и искренним, а иначе что в нем проку?

– Ладно, но вы начинайте первая, – сказал я.

Ла Бакфаст слегка удивилась:

– А почему вы решили, что мне об этом уже что-то известно?

Ох, только, пожалуйста, не надо притворяться! В связи с тем, что я веду весьма замкнутую жизнь, и почти вся она прошла в стенах «Сент-Освальдз», начиная с детских лет и кончая сегодняшним днем, у меня давно уже выработались определенные инстинкты. И я сразу же – это во-первых – почувствовал, что Ла Бакфаст как-то *чересчур* спокойна. А во-вторых, она на этот значок толком и не посмотрела, так, едва глянула, а значит, она *давно ожидала* чего-то подобного. Возможно, она и о значке, и о *самом теле* уже знала. Но в таком случае почему же она не сообщила в полицию о том, что на территории школы найдены человеческие останки?

Некоторое время она с улыбкой смотрела на меня, потом сказала:

– Знаете, это довольно долгая история. Вы *уверены*, что так уж хотите ее услышать?

– Я буду в школе всю неделю, госпожа директор.

– Ну, разумеется. – Она снова улыбнулась. А я смотрел на нее и удивлялся: ну до чего спокойно и непринужденно она держится! Можно подумать, что она почти наслаждается сложившейся ситуацией. Точно шахматист, который с самого начала знает, что в данной партии непременно одержит победу.

– А вот сейчас я бы, пожалуй, все-таки выпил вашего знаменитого кофе, – сказал я.

– Я так и знала, что вы, возможно, все-таки передумаете. – И она с улыбкой налила мне капучино, посыпав пенку шоколадным порошком. Чисто случайно – а может, в качестве злого предзнаменования? – порошок образовал на пенке очертания некой фигуры, напоминающей человеческий череп. Цицерон, будучи циником, категорически отказывался верить во всякие чудеса и предзнаменования. *Может, и мне стоило бы последовать его примеру?* – подумал я. В конце концов, как мог бы сказать Фрейд, даже такое неприличное слово, как «фига», это еще и безобидное название одного из фруктов.

Капучино был хорош, хотя я по-прежнему предпочитаю кофе по-английски. Помнится, раньше кофе вообще был только черный или с молоком. Много тогда – в том числе и люди – было гораздо проще. И всегда можно было понять, где проходит черта. Однако директор школы обязан знать правду вне зависимости от того, к чему это может привести. *Veritas nunquam perit*²⁰. Истина действительно никогда не умрет в отличие от того бедолаги, что был зарыт в землю возле Дома Гундерсона и давно превратился в грязный ком костей и тряпья. Если мои подозрения справедливы, учеником нашей школы он не был. И все же его история должна быть рассказана, хотя, возможно, это и обойдется нам очень дорого. Такая школа, как «Сент-Освальдз», прямо-таки самой жизнью предназначена для всевозможных драматических спектаклей. Сегодня на сцене трагедия. Завтра фарс. И Ла Бакфаст это отлично понимает. Она, в конце концов, прирожденная актриса; отличалась талантом, еще учась в «Малберри Хаус». Она прекрасно знает цену неопределенности, паузы, ожидания, когда актер испытывает удовольствие уже от того, что заставил зрителей напряженно затаить дыхание. И все же она не может не понимать, какой огромный ущерб подобное «открытие» может нанести той империи, которую она намерена здесь построить. Неужели она попытается убедить меня, что для меня же будет лучше, если я раз и навсегда забуду о сделанной моими «Броди Бойз» находке? Неужели она действительно верит, что ради благополучия «Сент-Освальдз» я окажусь способен на подобное преступление?

Она допила свой кофе и посмотрела на меня.

---

²⁰ «Истина никогда не пропадет» (*лат.*), или «Правда дорогу найдет». Сенека, «Письма».

– Ну что ж, мистер Стрейтли, – сказала она с улыбкой, – если вы готовы, то я, пожалуй, начну.

Глаза у нее зеленые, но какого-то странного оттенка, довольно холодного. Однако почему-то кажутся веселыми. И я вдруг подумал: *Господи, да ведь она же попросту развлекается! Неужели это доставляет ей удовольствие?*

Я тоже поставил чашку на стол и сказал:

– Я вас слушаю.

Часть вторая

Коцит²¹ (река плача)

Глава первая

«Сент-Освальдз», 4 сентября 2006 года

Я хорошо помню тот день, когда Конрад исчез, потому что это случилось в день моего рождения. Собственно, это был *наш общий* день рождения, поскольку мы с ним родились в один и тот же день, но с разницей ровно в девять лет. В пять лет день рождения вообще представляется исполненным волшебства: это праздник, предвкушаемый задолго, день подарков, день всевозможных лакомств и всеобщих прощений. И этот день так хорошо начался – с оладьями на завтрак, с поздравительными открытками и даже с подарком от Конрада. Он подарил мне школьный портфельчик, очень похожий на его собственный, только поменьше и яркочерный, как леденец: именно с таким портфелем я и мечтала начать свой первый триместр в начальной школе. Но до начала занятий оставалось еще целых шесть недель, поскольку летние каникулы только-только начались, и я еще не знала, что к этому времени Конрада с нами уже не будет и все в моем мире совершенно переменится.

Я помню то пятничное утро так же ясно, как некоторые сны. Это было девятое июля 1971 года; по радио исполняли «Get It On», и в животе у меня от счастья порхали бабочки, и мы уже предвкушали долгие летние каникулы, почти чувствуя в воздухе запах морского побережья. Я столько раз уже рассказывала об этом утре, что подробности этой истории успели покрыться некой необычной патиной – знаете, как на выступающих частях бронзовых вещей, если ими долго и постоянно пользоваться. А вот лицо Конрада я помню не очень хорошо. В основном, по-моему, я вообще его помню только по сохранившимся фотографиям. Например, по той, которую тогда опубликовали все газеты; этот снимок был сделан в тот день, когда он исчез: Конрад в школьной форме – угольного цвета брюки, галстук в красную полоску и отлично сидящий блейзер из грубой рубчатой ткани. Или была еще фотография – Конрад с родителями во время празднования Рождества. Или на пляже – когда мы с ним строим замок из песка, и мне года три, я вооружена ведерком и совком и смеюсь во весь рот, глядя прямо в камеру. И, разумеется, я помню ту фотографию, которая причинила всем нам столько сердечной боли; это была фотография на обложке книги «КОНРАД: *потерявшийся мальчик из Молбри*», которую написала некая женщина по имени Кэтрин Поттс. На этой фотографии лицо Конрада как бы наложено на приоткрытую створку некой зеленой двери.

Собственно, эти фотографии и являются моими воспоминаниями. Все остальное так и осталось где-то на дальнем берегу моря, скрытом густым туманом. Даже те мои сны теперь почти позабыты. Особенно те сны, что были связаны с человеком, которого я называла *мистер Смолфейс*, и с его ужасным голосом.

Мне кажется, вы должны были слышать историю об этом пропавшем мальчике. Она все-таки занимала тогда в газетах центральное место, хотя, конечно, и у вас, и у школы «Сент-Освальдз» и собственных серьезных проблем хватало. И вы вряд ли запомнили фамилию маленькой сестренки того пропавшего мальчика; вы ведь не вспомнили ее, даже когда эта девочка вновь возникла в вашей жизни, будучи ученицей параллельной женской школы, которую затем объединили с «Сент-Освальдз». Однако имя Конрада Прайса еще долго было на слуху, и вы вряд ли сразу его забыли. Его исчезновение было самой настоящей и довольно

---

²¹ В греческой мифологии Коцит – одна из рек в Царстве мертвых, воды которой холодны как лед.

страшной загадкой. Ученик привилегированной школы «Король Генрих» исчез в день своего рождения, чуть ли не в последний день летнего триместра, и больше никто и никогда его не видел; никаких останков или хотя бы следов также найдено не было. А ведь я была у него в школе, когда все это случилось, однако мой рассказ о событиях того дня оказался для следователей бесполезен, хотя они всячески пытались заставить меня что-то вспомнить, даже к психологу отвели; но чем больше они старались, тем меньше пользы было от моих бессвязных воспоминаний, и в итоге все пришли к заключению, что все, что я могла увидеть, безвозвратно утонуло в глубинах полученной мною травмы.

Основные же факты были достаточно просты. В тот день брат должен был забрать меня из приготовительной группы детского сада и отвести домой. А для меня все складывалось и вовсе отлично. Дело в том, что Конрад должен был участвовать в школьном спектакле, и как раз на этот день была назначена генеральная репетиция, так что празднование *его* дня рождения было перенесено на следующий день, а это означало, что у меня впервые будет *мой собственный* праздник.

Но когда я в тот день вышла из школы, Конрад меня не ждал, и я поступила так, как обычно делала в таких случаях: сама отправилась в школу «Король Генрих». Там и идти-то было всего несколько сотен ярдов. И потом, вспомните, что в семидесятые годы дети часто сами возвращались из школы домой, тем более что наш Молбри – город маленький. Да и наш классный наставник давно привык, что я после школы часто иду своему брату навстречу. В общем, в «Короля Генриха» я проникла через боковой вход, ведущий в раздевалку для учеников средних классов; Конрад частенько болтался там со своими приятелями: Милки, похожим на рекламного Milky Bar Kid²², толстячком Фэтти, которого иногда звали просто Толстяк, и Модником (сокращенно Мод), его еще называли Стилягой, потому что он всегда носил модную зеленую парку. Я привыкла ждать брата именно там. Конрад терпеть не мог, когда его видели у ворот детского сада. Но в тот раз явно что-то случилось; и даже спустя много лет, несмотря на разнообразные способы лечения, я так и не смогла вспомнить, что же именно тогда произошло. Меня нашли в той же раздевалке через несколько часов; я забилась в один из шкафчиков и свернулась там клубком, точно зверек, впавший в зимнюю спячку. Оказалось, что Конрад бесследно исчез, и когда меня стали спрашивать, где мой брат, я лишь отрицательно мотала головой, покрытой рыжими, только что подстриженными кудряшками, и твердила: «*Его забрал мистер Смолфейс. Он его в зеленую дверь увел*».

Школьное начальство тщетно пыталось понять, где же находится эта *зеленая дверь*. Двери в «Короле Генрихе» были в основном из натурального дерева и покрыты лаком; а двери в подсобные помещения – в комнату охранников, в бойлерную – выкрашены черной краской. Полицейские обследовали каждую зеленую дверь в окрестностях школы, однако безрезультатно. Впрочем, в «Молбри Икземинер» появилось сообщение о том, что в зеленый цвет выкрашены двери в «Сент-Освальдз», и это послужило причиной кратковременного ажиотажа; но, как известно, «Сент-Освальдз» находится в пяти милях от «Короля Генриха», и вряд ли можно было предположить, что Конрад с приятелями, а тем более я, вообще когда-либо там бывали. Куда более правдоподобным выглядело иное предположение: мальчика могли обманом выманить из школы – и, возможно, похититель приехал на *зеленой* машине, – а я все это видела, и полученная мною психическая травма в результате трансформировалась в некую фантазию.

Так или иначе, Конрад исчез, и теперь я могла его видеть только во сне или на фотографиях. С тех пор – почти двадцать лет – у нас в семье не праздновали ни один мой день рождения: ни мое шестнадцатилетие, ни мое восемнадцатилетие, ни мое совершеннолетие. На этот день был навсегда наложен запрет; это была некая жертва призраку Конрада. Да и сама

²² Milky Bar – конфета из белого шоколада фирмы Nestle, для рекламы которой обычно используется белокурый мальчик в очках, одетый как ковбой.

я с того дня, когда пропал мой брат, тоже превратилась в некое подобие призрака, который безмолвно бродит по комнатам родного дома, до краев заполненного присутствием Конрада. И присутствие это год от года все разрасталось, становилось все более ощутимым, тогда как я продолжала как бы сохнуть, съеживаться и наконец почти совсем исчезла – по крайней мере, для моих родителей.

В «хорошие» дни, правда, они со мной еще иногда разговаривали, как бы совершая те действия, что свойственны всем живущим вместе. Отец мой уволился с работы сразу же после исчезновения Конрада; на шахте, где он проработал всю жизнь, он был заместителем начальника, так что заслужил достаточно щедрую пенсию. Кроме того, у них с матерью имелись кое-какие сбережения – эти деньги они давно уже отложили, чтобы оплатить учебу Конрада в колледже. Теперь они сами могли бы спокойно воспользоваться этими средствами – поехать куда-нибудь отдохнуть или переехать в дом получше. Только мой отец категорически отказывался хотя бы прикоснуться к «деньгам Конрада». В «хорошие» дни он ходил на футбол или работал в огороде. А мать в «хорошие» дни посещала церковь и помогала устраивать утренние кофейные посиделки. Зато в плохие дни они оба были практически недостижимы. У матери бывали довольно длительные периоды, когда она несколько недель подряд не вставала с постели; а у отца появилось какое-то патологическое увлечение передачами номерных радиостанций; перечисление чисел, которые зачитывал мертвый голос диктора или компьютера, неким странным образом связалось у него с исчезновением и поисками Конрада. Это началось у него спустя всего несколько месяцев после трагедии, а потом он стал постоянно слушать передачи номерных радиостанций, так что «саундтреком» моей юности стали не какие-то поп-хиты или музыка к популярным телесериалам, а вызывавшие у меня ужас позывные этих станций вроде «*Ликольнишского браконьера*» или «*Вишенка созрела*», абсолютно лишенные жизни и прерываемые разрядами статического электричества, – или, что было еще хуже, монотонное перечисление чисел, которое, казалось, продолжалось вечно: *Ноль, два, пять, восемь, восемь. Ноль, два, пять, восемь, восемь...* Последнее слово в очередной цепочке синтетический радиоголос всегда произносил как бы с легким подъемом, словно внушая слушающим призрачную надежду. Возможно, именно в этом моему отцу и слышалось некое послание из потустороннего мира. Для меня же эти голоса всегда были голосами мертвых; засыпая, я даже сквозь сон слышала их безжалостные каденции, хотя перед сном всегда хорошенько затыкала себе уши ватой.

В школе у меня была только одна подруга: девочка по имени Эмили Джексон. Вот ее я очень хорошо помню – воспоминания о ней, казалось, заслонили собой все то, что мой мозг воспринимать отказался. Эмили была маленькой блондиночкой с розовым личиком и спокойным, материнским темпераментом. У ее старшей сестры Терезы был ДЦП, и Эмили взяла на себя заботу о ней, без малейшего вздоха сожаления или возмущения поставив для себя потребности старшей сестры на первое место. Отец и мать Эмили были очень друг на друга похожи – оба кругленькие, жизнерадостные, – и в доме у них всегда царил веселый беспорядок. Зимой 1971 года они всей семьей переехали из Молбри куда-то еще, но я никогда не забывала Эмили, и наша детская дружба осталась самым светлым моим воспоминанием. Кроме нее у меня подруг никогда не было; я блуждала в своем воображаемом мире, чувствуя себя бесконечно одинокой. А без Джексон я бы и вовсе была лишена тепла и друзей.

Я отнюдь не пытаюсь вызвать ваше сочувствие, Рой. Я всего лишь пытаюсь обрисовать ту обстановку, в которой росла. Исполненный уныния дом моих родителей, бесконечные цепочки чисел, передаваемые номерными радиостанциями, комната моего исчезнувшего брата, превращенная в святилище. О да, это было настоящее святилище! Там был большой фотографический портрет Конрада – он в школьной форме со значком prefecta в петлице – и неперенный детский локон, причем его волосы выглядели настолько же светлыми, мягкими и блестящими, насколько мои рыжие патлы казались жесткими, неухоженными и неукротимыми.

Рыжие волосы – верный признак дурного характера; что-то в этом роде частенько повторяла моя мать, но я к этому времени уже успешно научилась сдерживать свои чувства. А в школе «Малберри Хаус» я вообще была на редкость примерной ученицей. Я каждое воскресенье посещала церковь. Я постоянно получала награды за участие в школьных драматических постановках, а также за примерное поведение. Хотя, конечно, в шестнадцать лет я вляпалась в эту дурацкую историю с Джонни Харрингтоном, но как только его имя появилось в газетах, я мигом все прекратила. У меня всегда ума было больше, чем у него. Однако история эта имела некие незапланированные последствия: летом следующего года на свет появилась моя дочь Эмили; как ни странно, мои родители хоть и были потрясены столь неожиданным развитием событий, тем не менее приветствовали мое решение сохранить ребенка. Правда, они отнеслись к этому с той же беспомощной растерянностью, с какой теперь встречали *каждую* перемену в нашей жизни после исчезновения Конрада.

Но, если честно, я действительно была *хорошей* девочкой. Тихой, спокойной, послушной. Хотя, конечно, у меня порой бывали кошмары, в которых меня безжалостно преследовало *нечто ужасное*. Оно гналось за мной по пустынным коридорам классической школы «Король Генрих», но разглядеть его я толком никогда не могла, только чувствовала, что пахнет от него горячей фольгой, канализацией и протухшей стоячей водой – но это, в общем, оказалось не такой уж высокой ценой за ту привилегию, что я в итоге переросла своего старшего брата, которому так и не суждено было ни дожить до пятнадцати лет, ни впервые поцеловать девушку, ни поступить в колледж, ни подарить родителям внука или внучку.

Мне иногда кажется, что моей Эмили следовало бы родиться мальчиком, и *тогда*, возможно, мои родители сумели бы ее полюбить, а заодно – как бы по ассоциации – и меня. Однако, закутанные в плотные коконы своего горя, мои родители, точно пара полудохлых молей, почти не замечали своей единственной внучки, а однажды, когда я спросила, нельзя ли превратить бывшую комнату Конрада в детскую, мое вполне разумное предложение было встречено ими с таким возмущением и с такой тревогой, словно я выразила желание дотла спалить наш дом. Возможно, если бы Эмили родилась мальчиком, я бы еще подумала, не отдать ли ее на воспитание моим родителям. Ибо в шестнадцать лет я, разумеется, отнюдь не планировала становиться домашней хозяйкой и сидеть дома с ребенком, выйдя замуж за какого-то юнца, который был еще и на целых полгода меня младше. Однако у меня вызывала глубочайшее отвращение одна лишь мысль о том, чтобы оставить мою дочь на милость нашего патриархального государства или, что еще хуже, сделав аборт, смыть ее в канализацию, точно умирающую золотую рыбку. Я понимала, что никогда в жизни не оставлю своего ребенка и не позволю ему расти таким заброшенным, какой по вине моих родителей росла я. Именно поэтому я и решила не обращаться за помощью ни к своим родителям, ни к семейству Джонни. Я с трудом дождалась своего восемнадцатилетия и сразу же вместе с Эмили уехала из родительского дома, поселившись в муниципальной квартирке в Пог-Хилл, и начала работать неполный день ресепшионисткой в доме престарелых «Медоубэнк». Часы работы меня устраивали, а вот зарплата – значительно меньше; но если выбирать между социальным пособием и этими деньгами, то последнее было лучше, и мы вполне ухитрились как-то прожить, хотя, может, и не слишком комфортно. Но Эмили всегда была сыта, коммунальные счета оплачены, а за спиной у меня не маячили сотрудники опеки.

Каждое воскресенье днем я садилась на автобус и ехала к родителям на Джексон-стрит, где выдерживала ровно пятьдесят минут – пила с ними чай и пыталась вести какой-то разговор. Время от времени отец предлагал мне немного денег, но я всегда отказывалась. Иногда я брала с собой Эмили. Но ни моя дочь, ни моя жизнь у них, похоже, интереса не вызывали. Пустота, вызванная исчезновением Конрада, словно поглотила их обоих; слегка оживлялись они лишь при упоминании его имени – но и то очень ненадолго и как бы наполовину. И исключительно в «хорошие» дни.

Основной темой наших разговоров всегда был Конрад, и говорили мы о нем только в настоящем времени, словно он в любой момент мог войти в гостиную и присоединиться к нашему разговору. Под безжалостную литанию номерных радиостанций родители перечисляли мне школьные награды Конрада, его спортивные успехи, его поразительные душевные качества, а я молча сидела и слушала, следя, как минутная стрелка часов в гостиной описывает круг за кругом.

– Конрад так хорошо умеет ладить с детьми, – говорила моя мать и подносила к губам чашку с остывшим чаем. – Когда он вернется домой, то страшно удивится, что у него уже есть маленькая племянница.

– Возьми печенье, – угощал меня папа, – ведь это же твой любимый «Бурбон»!

На самом деле «Бурбон» был любимым печеньем *Конрада*, а я никогда его не любила. То же самое было с хлопьями «Коко Попс», которые Конрад просто обожал и которыми родители каждое утро безжалостно меня пичкали; по той же причине яйца по-шотландски²³, которые я ненавидела, каждое утро неизменно оказывались у меня в портфеле, в коробочке с завтраком, и мне по дороге в школу приходилось ронять их с моста в канал, где они покачивались на воде, точно маленькие оранжевые бакены, пока их не пожирали водяные крысы, которые, завидев меня, торжественно выстраивались на берегу, точно детишки в очереди за школьным обедом. Казалось, мои родители, пытаясь накормить меня любимыми кушаньями Конрада, лишний раз подкрепляли свою уверенность в том, что он по-прежнему являлся частью нашей жизни.

– Пап, я же не люблю «Бурбон», разве ты не помнишь?

– По-моему, ты все-таки опять сидишь на диете, – тут же поджимала губы моя мать. – А не следовало бы. Ты и так худеющая.

– Честное слово, ни на какой диете я не сижу. Дело совсем не в этом.

– Конрад всегда ест как лошадь. А все из-за того, что бегает туда-сюда. Тебе бы тоже следовало почаще бывать на свежем воздухе. Глядишь, и аппетит бы появился!

Под конец я всегда не выдерживала, сдавалась и все-таки съедала это чертово печенье. В конце концов, ничего страшного, можно и потерпеть, если это доставляет им удовольствие, уговаривала я себя. Я заталкивала печенье в рот чуть ли не целиком, лишь бы поскорее с ним покончить, а мать, одобрительно на меня глядя, говорила: «Вот видишь? Значит, ты все-таки голодна! Ничего, у меня в кладовой припасены твои любимые яйца по-шотландски».

А время между тем шло, и я, продолжая воспитывать Эмили и работать в доме престарелых, ухитрилась окончить школу и сдать экзамены на A-level²⁴, затем получила диплом Открытого университета²⁵, поступила на курсы повышения квалификации в технический колледж, окончила их и наконец в двадцать три года стала временным, то есть внештатным, преподавателем общеобразовательной школы «Саннибэнк Парк». Это был далеко еще не предел моих планов и мечтаний; как, впрочем, и тех надежд, которые возлагали на меня мои родители. Да и сама моя тогдашняя жизнь была весьма далека от идеала; отнюдь не такой жизни я хотела бы для своей дочери. Ведь за эти шесть лет я ни разу как следует не выспалась; я покупала себе одежду в благотворительных лавках и на распродажах, а питалась почти исключительно лапшой быстрого приготовления. Зато за эти шесть лет я стала сильной. Я научилась развивать свои таланты. И благодаря всему этому я познакомилась с Домиником. И пусть наш брак ока-

---

²³ Крутые яйца, запеченные в колбасном фарше.

²⁴ A-level (сокр. от англ. Advanced Level) в Великобритании – аттестационный экзамен, по результатам которого выдается сертификат об окончании программы классической (грамматической) школы, дающий право поступления в высшие учебные заведения. Подготовка к экзаменам ведется в старших классах (16–18 лет).

²⁵ Открытый университет работает в Великобритании с 1951 года и организует курс лекций для заочного обучения по радио и телевидению Би-би-си, а также рассылает по почте письменные задания, проводит практические занятия и курс лекций в специальных районных центрах. Вступительных экзаменов нет. По окончании пятилетнего курса обучения выдается соответствующий диплом.

зался не столь удачным, как я тогда надеялась, но все же можно сказать, что Доминик меня спас.

Да, так *можно* сказать. И я даже позволю *вам*, Рой, в это поверить. Ибо таким мужчинам, как вы – и Доминик, – приятно считать себя спасителями. А нас, женщин, вы считаете чем-то вроде хрупких орхидей, готовых поникнуть при малейшем дуновении ветерка. Однако орхидеи куда крепче, чем вам кажется. Они порой лучше всего расцветают именно в отсутствие всякого ухода. Например, моей орхидее не требуется ничего, кроме полива раз в неделю или даже в две. А уж когда такие орхидеи цветут, то это продолжается месяцами, и цветы их прочны, как формованная резина, хоть и выглядят удивительно изящными, прелестными, уязвимыми. Они заставляют вас поверить в их беспомощность – в точности как женщины. Но очень многие женщины вас попросту обманывают.

Доминик Бакфаст возглавлял в нашей школе кафедру гуманитарных наук и был старше меня лет на десять. Это был очаровательный человек, забавный и умный одновременно – слишком умный для «Саннибэнк Парк». Он с легкостью мог бы преподавать в любой классической школе или даже в университете. Но, во-первых, Доминик был лейбористом. А во-вторых, не верил в частные школы. И, наконец, он был сыном уроженки Тринидада, которая едва умела читать и писать. А еще Доминик был прирожденным романтиком и повсюду искал обиженных или тех, кто нуждается в поддержке. В данном случае ему подвернулись мы: мать-одиночка и ее шестилетняя дочь. Я очень удивилась, узнав, что ему известна история моей семьи. Ему ведь было примерно столько же лет, сколько Конраду, когда тот исчез. И он, разумеется, читал об этой трагедии и был потрясен тем, какое воздействие она оказала на всю нашу семью. У него был свой дом на Эйприл-стрит – три спальни, садик. И к Эмили он как-то сразу привязался. Но самое главное – он не был женат.

В общем, я позволила ему нас *спасти*. После шести лет свирепой независимости, после шести лет бесконечного самоотречения во имя работы и учебы, когда я покупала одежду в благотворительных лавках и могла себе позволить только самые дешевые продукты, приберегая каждый грош, чтобы заплатить за наше жалкое жилье, после того, как я шесть лет никому не позволяла ни покровительствовать мне, ни жалеть меня, ни меня использовать, я вдруг решила: ладно, пусть этот человек нас спасет.

Чего только мы ни делаем ради наших детей, Рой. Какие только сложные решения нам ни приходится ради них принимать. Но Эмили тогда уже исполнилось шесть. Достаточно большая, чтобы сравнивать себя со своими одноклассницами. Достаточно большая, чтобы понимать, что семья у нас какая-то не такая. И не потому, что мы так уж бедны, а потому, что в нашей семье чего-то не хватает. Я уже сумела научить ее быть независимой, решительной и храброй. И все-таки в ней по-прежнему чего-то не хватало. И я понимала: ей не хватает того, чего и у меня самой никогда не было.

В детстве я всегда верила, что когда-нибудь непременно влюблюсь. Так всегда происходило и в книгах, и в телевизоре. Да и газеты были полны подобных историй. Вот и в жизни Эмили, хотя ей уже исполнилось шесть, доминировали волшебные сказки. Но я так никогда и не была по-настоящему влюблена. Ни в Джонни Харрингтона, ни в одного из тех мальчишек, с которыми трахалась, ни даже в кого-нибудь из актеров или поп-звезд. Наверное, я все-таки любила своих родителей. Когда-то. Я *знала*, что, должно быть, очень любила Конрада – но все это исчезло в одном из тех сливных отверстий, что поглотили и большую часть моего прошлого. И какие бы чувства я ни питала к Эмили – это было странное, яростное желание во что бы то ни стало защитить ее, – даже эти чувства никогда не проявлялись неким *нормальным* образом, в виде, например, поцелуев и сказок, рассказанных перед сном.

Вы ведь помните, Стрейтли, как молода я тогда была. И, наверное, все еще надеялась, что какому-то мужчине удастся дополнить меня, сделать меня полноценной женщиной. А Доми-

ник действительно был человеком во многих отношениях хорошим; и мой ребенок так нуждался в отце. Все, правда, получилось не совсем так, как я изначально планировала, однако я, пожалуй, снова поступила бы точно так же, если б у меня была возможность повернуть время вспять. Вот здесь-то и начинается моя история. Я всегда знала, что когда-нибудь расскажу ее. И мне кажется на удивление естественным, что я рассказываю ее именно вам. Однако история эта началась не в тот день, когда исчез Конрад, а восемнадцать лет спустя, уже в доме Доминика, когда Эмили принесла из школы домой свой рисунок, написав под ним четкими крупными буквами: МИСТЕР СМОЛФЕЙС.

Глава вторая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 4 сентября 2006 года

Да, конечно, я помню эту историю, ставшую трагедией для всех ее участников. Конрад Прайс, ученик 3-го класса²⁶ грамматической школы «Король Генрих», исчез в последний день летнего триместра и впоследствии так и не был обнаружен. Если бы это был кто-то из наших учеников, я, видимо, гораздо быстрее бы сумел сориентироваться и установить связь между событиями, но «Король Генрих» от нас в шести милях, да к тому же они наши вечные соперники, и, наверное, по этим причинам я несколько подзабыл то печальное происшествие.

– Искренне вам сочувствую, госпожа директор, – сказал я. – Для вас наверняка было просто ужасно потерять старшего брата.

– Вы и впредь намерены именовать меня «госпожа директор»? – Как ни странно, глаза ее по-прежнему весело блестели, и я понял, что мои сожаления неуместны и неоправданны.

– Но *госпожа директор* – это традиционное обращение, – возразил я.

Она рассмеялась.

– Ну если так, то, конечно, пользуйтесь им, ради бога. Однако должна заметить, что брат мой умер много лет назад, и не стоит чувствовать себя обязанным выражать мне по этому поводу сочувствие. Я ведь не для этого начала рассказывать вам все с самого начала. Просто мне казалось, что нужно сперва хорошенько все объяснить, прежде чем мы решим, в какую сторону нам двигаться дальше.

Ее слова несколько меня озадачили. Обнаружив на территории школы мертвое тело, куда же еще идти, как не в полицию? Однако, если это действительно останки ее родного брата, тогда, наверное, она сама имеет право решать, когда и куда сообщать об этом? И тут в голову мне вдруг пришла некая страшная мысль, и я с трудом удержался от комментариев. Но один вопрос продолжал меня мучить: с какой стати мальчик из «Короля Генриха» мог быть похож на территории «Сент-Освальдз»? Чисто случайно или его связывало с этими местом нечто иное?

Некоторое время Ла Бакфаст смотрела на меня с какой-то жалостливой улыбкой, потом спросила:

– Ваш друг Эрик Скунс ведь какое-то время преподавал в «Короле Генрихе», верно?

– Да, но это было через десять лет после смерти Конрада Прайса, – ответил я. Пожалуй, чересчур поспешно. – С 1982 по 1990 год. – Я и сам слышал в собственном голосе извиняющиеся нотки и желание защитить Скунса. Я даже поморщился. Скорее всего, Ла Бакфаст ничего такого в виду и не имела, но я всегда становлюсь излишне чувствительным, если речь заходит об Эрике. Этот человек, мой друг, умер. И пусть покоится с миром. Но почему-то беспокойство, вызванное ее словами, не проходило. Что же она имела в виду? Что Скунс с его порочными наклонностями²⁷ вполне мог оказаться в числе подозреваемых в убийстве Конрада? Нет. Это просто невозможно. Эрик, наверное, и впрямь был глубоко порочен, но убийцей он никогда не был. Я бы знал, если бы это было иначе. Я бы наверняка это заметил.

А Ла Бакфаст, глядя на меня все с той же жалостливой улыбкой, сказала:

---

²⁶ Третий класс английской классической школы примерно соответствует седьмому или восьмому классу школы российской.

²⁷ О порочных наклонностях Скунса, оказавшегося педофилом и насильником, рассказывается в романе «Другой класс».

– Я ведь и сама в это время работала в «Короле Генрихе», правда, недолго и всего лишь как внештатный преподаватель. Я провела там всего один триместр, в 1989 году. У них тогда заболел один из преподавателей французского языка, и срочно понадобилось его заменить.

– Правда? – Я был несколько удивлен. Школа «Король Генрих» всегда чрезвычайно гордилась своими незыблемыми традициями – даже, пожалуй, сильнее, чем «Сент-Освальдз». Собственно, те традиции, что еще сохранились в «Сент-Освальдз» в виде грубоватой разновидности академического фольклора, в «Короле Генрихе» превратились в готический памятник претенциозности – с этим было связано и обязательное ношение преподавателями докторских мантий, особенно во время утренних Ассамблей, и непереносимые канотье из соломы для членов школьной команды гребцов, и множество других таинственных и нелепых правил и ритуалов, словно специально придуманных для того, чтобы любой аутсайдер тут же почувствовал себя в стенах этой школы неуютно. Наши мальчики давно уже прозвали тамошних учеников «генриеттами», и, несмотря на то что в «Короле Генрихе» в последнее время произошли весьма существенные перемены, а ее руководство осуществило некие престижные и прибыльные политические ходы, характерные для двадцатого века (были созданы гендерно-смешанные классы, учрежден статус «академии», официально введено в общий курс английского языка и литературы изучение драматического искусства, в связи с чем всячески поощрялись школьные спектакли, а также было расширено преподавание общественных наук), эта школа по-прежнему сохраняла репутацию эксклюзивной (отчасти, на мой взгляд, незаслуженно). В результате – что было вполне предсказуемо – «оззи», то есть ученики «Сент-Освальдз», и «генриетты» стали жесточайшими врагами, отчего и тогдашнее внезапное дезертирство старика Скунса воспринималось мною как-то особенно болезненно.

Ла Бакфаст опять улыбнулась.

– Зато я приобрела определенный опыт.

– О, в этом я как раз не сомневаюсь!

– И я действительно работала вместе с мистером Скунсом. Впрочем, об этом я вам еще расскажу. А сейчас прошу меня извинить, но у меня назначена встреча с доктором Марковичем и председателем попечительского совета. Вы ведь дадите мне еще денек, Рой? Я хоть немного переведу дух: все это довольно сильно на меня подействовало.

Поддействовало ли? На сей счет у меня имелись большие сомнения. Уж больно спокойной она выглядела. Однако, подумав хорошенько, я решил, что улыбка у нее была, пожалуй, несколько вынужденная, да и лицо бледнее обычного, и мне, конечно же, сразу стало совестно. Ведь это в любом случае нелегко – вспоминать такие трагические события, как смерть брата. И уж тем более – если он внезапно и бесследно исчез. Такие вещи способны в клочья разорвать душу. Но так и не принести успокоения. Да и надежда – этот неумирающий вампир – будет вечно тревожить живых, а мертвому не позволит упокоиться с миром.

Да, конечно, сам-то я был единственным ребенком в семье. И родителей потерял много лет назад, и как полагается их оплакал. Хотя скорее из чувства долга. Лишь со смертью Эрика я понял, что такое настоящее горе. Мы с ним были почти ровесниками, всего два года разницы, и чувствовали себя братьями во всем, кроме фамилии. Я знаю, что порой отсутствие дорогого тебе человека способно ощущаться в виде почти физической боли – так причиняет фантомные страдания ампутированная конечность, словно по-прежнему требуя внимания своего хозяина. И признаюсь, от разговора с Ла Бакфаст мне хотелось большего. Мне хотелось услышать от нее, каким был Эрик, когда работал в «Короле Генрихе». Хотя, наверное, больше всего мне необходимо было убедиться, что совершенное им насилие над одним из наших мальчиков было лишь дикой одиночной случайностью, вызванной неким сдвигом в сознании, который проявил себя лишь в самом конце его карьеры преподавателя.

– Конечно, конечно, – сказал я, – я прекрасно вас понимаю.

– Тогда встретимся завтра, после занятий, хорошо? Скажем, в половине шестого?

Я кивнул и с улыбкой заметил:

– Это у нас будет что-то вроде свидания.

Глава третья

«Сент-Освальдз», 5 сентября 2006 года

Господи, чего только не скажешь от растерянности! *Свидание?* Должно быть, он был действительно потрясен моим рассказом. Что ж, это даже хорошо. Этого я, собственно, и добивалась. Впрочем, для этого было бы достаточно и одного лишь упоминания о Скунсе. Однако для меня куда важнее то, что он поверил в мою уязвимость.

Хотя я действительно уязвима, но причина этого, возможно, совсем не та, как это представляется Стрейтли. Шехерезада, может, и прожила тысячу ночей под смертным приговором, но ситуацию-то всегда контролировала именно она. А мне и тысячи ночей не требуется – вполне хватит одной-двух недель. В душе Рой Стрейтли – типичный романтик. Он похож на Белого Рыцаря из «Алисы в Стране Чудес» и видит себя в роли спасителя, полагая, что сумеет потихоньку увести меня в безопасное место, пока я буду рассказывать ему свою историю. Только он, увы, заблуждается. Именно я задаю направление нашей беседе и рассказываю ему только то, что ему нужно знать, – то есть некую сказку, направляющую его по неверному пути, а мне дающую возможность удерживать его на моей стороне, пока не минует опасность. А все остальное – то есть глубинная часть этой истории, так сказать, нутро этой сказки, путанное и довольно неприятное, – пусть продолжает спокойно храниться в дальнем уголке моей души, как хранятся в сундуке носовые платки, заботливо пересыпанные лавандой. И все же я чувствую, что во мне до сих пор как бы звучит эхо той женщины, какой я была тогда, много лет назад: молодой, хрупкой, по-прежнему отчасти скрывающейся в тени Конрада и по-прежнему, несмотря на всю ее внешнюю самоуверенность, ожидающую неизбежной кары.

Мистер Смолфейс. Ох, уж это проклятое имя! Да еще написанное рукой моей дочери! До чего же я была наивна, поверив, будто шрамы от нанесенных мне душевных ран со временем могут запросто исчезнуть. Всего два слова на листке бумаги. И этого оказалось достаточно, чтобы все снова вернулось. Два слова и детский невнятный рисунок: фигура человека с очень маленькой головой²⁸. И неожиданно возникло воспоминание, острое, как запах гари: я, пятилетняя, сижу на пластмассовом стуле, а по обе стороны от меня полицейские в форме; они с надеждой смотрят на меня блестящими глазами, и лица их покраснели от усталости и разочарования:

– Ты видела, куда ушел Конрад? С кем он вместе ушел?

И я снова и снова отвечаю тихо-тихо, почти шепотом:

– *Его увел мистер Смолфейс. За ту зеленую дверь.*

– А где этот мистер живет, Беки? И где та зеленая дверь?

– *Внизу. Под тем отверстием, что в раковине.*

– Под землей?

Ясное дело, для них подобных сведений было маловато, но других зацепок у них не имелось. Вот они и шли по этому следу, сколько могли: просили меня нарисовать мистера Смолфейса; спрашивали, где он живет, кто он такой и почему он вдруг захотел забрать Конрада. Они предпринимали все новые и новые попытки, надеясь выяснить, какую *зеленую дверь* я имела в виду. Они обследовали школьный подвал, а также подвалы чуть ли не всех заброшенных зданий в Молбри, Пог-Хилле и соседних деревнях. Они искали в кульвертах и глиняных карьерах; они забирались даже в заброшенные угольные шахты. Особо педантичные идиоты даже ухитрились притащить в полицейский участок какого-то местного бедолагу, страдавшего

---

²⁸ Вообще-то *Smallface* – это скорее «маленькое лицо», но в восприятии Беки у этого таинственного персонажа именно *маленькая голова*, чем в дальнейшем и воспользуются ее мучители.

микроцефалией, надеясь, что это меня подтолкнет и я смогу дать им наводку на потенциального преступника.

У того несчастного и впрямь и голова, и лицо были очень маленькими (а еще у него была исполненная надежды нервная улыбка, обнажавшая коротенькие пеньки полусгнивших зубов, и отвратительная привычка выдергивать волосы из собственной макушки), так что полицейские упорно твердили: *Посмотри на него внимательно, Беки. Этот тот самый человек? Это он увел Конрада?* Но я только головой мотала, отказываясь его признавать. Несмотря на это, местные газеты пронюхали, как зовут этого инвалида, да еще и дверь у него в доме оказалась, к несчастью, выкрашена зеленой краской. В итоге он не выдержал и уехал из нашей деревни, однако и после этого газета «News of the World» ухитрилась его выследить; в конце концов он покончил с собой на кемпинге близ Блекпула. По мере того как «остывали» все предполагаемые следы преступления, о Конраде стали забывать – нет, конечно же, совсем о нем в полиции *не забыли*, просто в итоге его дело оказалось в самом низу той груды дел, которые требовали безотлагательного внимания.

А вот дома у нас образ Конрада со временем не только не побледнел и не выцвел, но, напротив, разросся настолько, что затмил все остальное в нашей жизни. Его комната содержалась точно в том же виде, в каком он ее оставил, уходя в школу, только белье на постели ему меняли каждое утро. За обеденным столом его место всегда оставалось незанятым. Именно о нем мои родители говорили непрестанно, причем так, словно он просто вышел из дома на часок-другой и скоро вернется, а не исчез бесследно неделю (или десять дней, или полгода) назад. Время шло, но в доме моих родителей оно словно остановилось. Кристаллизовалось, как кристаллизуется соль в глубинах Мертвого моря на некогда упавшем на дно тюке, обернутом грубой тканью. И в тот день, много лет спустя, когда моя дочь, вернувшись из школы, гордо продемонстрировала мне нарисованную на уроке картинку, дом моих родителей на Джексон-стрит выглядел точно так же, как в 1971 году, – стены увешаны фотографиями Конрада, его место за обеденным столом по-прежнему свободно, на столе его столовый прибор, а над его кроватью по-прежнему висит постер с группой «The Doors». Когда-то родители этот ансамбль просто ненавидели, но Конраду он очень нравился, и теперь, естественно, этот постер превратился в реликвию, а мама иногда даже ставила записи этой группы, убирая у него в комнате – ей тогда казалось, что сын по-прежнему сидит за письменным столом, делает уроки и слушает музыку. «Doors» были куда лучше номерных радиостанций, но я предпочитала классическую музыку или те псалмы, которые мы часто пели в церкви. Впоследствии выяснилось, что у меня даже какой-то голос имеется, и я с удовольствием этим пользовалась. Но как бы громко я ни пела, родители меня не слышали – мой голос был как бы заглушен горестным звоном колоколов, вечно звучащим у них в ушах. А когда я из дома ушла, то вновь обрела свой голос – на этот раз в качестве учительницы.

В тот день, когда Эмили принесла домой «портрет» мистера Смолфейса, мы с Домиником уже полгода жили вместе. Уже полгода я не тревожилась из-за того, есть ли дома какая-то еда и хватит ли денег, чтобы заплатить за квартиру. Уже полгода у Эмили была собственная комната, ей купили новую одежду, новые игрушки, новую обувь, новые книжки. Мало того, и у меня намечались приятные перемены. Я целых двенадцать месяцев безуспешно искала место постоянного преподавателя, и тут вдруг мне позвонили из школы «Король Генрих». Там произошло ЧП – внезапно скончался от инфаркта преподаватель французского языка, а поскольку было самое начало летнего триместра, им срочно понадобилась замена, хотя бы на временной основе. Хотя преподавала я в основном английский, но диплом у меня был «двойной», что обеспечивало мне необходимую для данной работы квалификацию, и потом, я так долго ждала возможности вновь попасть в эту школу.

Для расписания занятий, да еще и в конце учебного года, подобное «выбывание из строя» одного из преподавателей было поистине катастрофичным, тем более что договоры на следу-

ющий учебный год, начиная с сентября, со всеми доступными кандидатами были уже подписаны. Это был тот самый случай, когда даже недавние выпускники колледжей, едва успевшие получить диплом, зачастую оказываются недоступны. И «Королю Генриху» пришлось довольствоваться кем-то из внештатных преподавателей, согласных доработать хотя бы до конца триместра.

На такое место я и была приглашена, но с перспективой продлить контракт в сентябре, если Совет сочтет, что я полностью соответствую требованиям школы. Этот «вердикт», переданный мне через секретаря директора, выглядел одновременно и снисходительным, и смутно подозрительным – казалось, некий прибывший в колонию белый миссионер обращается к представителю местного племени, ранее с ним в контакт не вступавшего. Да и Доминику моя затея с «Королем Генрихом» страшно не понравилась. А я прекрасно понимала, что именно он спас нас с Эмили. Однако Доминик ненавидел эту школу с пылом, достойным недавно обращенного фаната-евангелиста, и все время твердил мне:

– Ты заслуживаешь большего! И уж во всяком случае не того, чтобы тебя постоянно обливали презрением эти снобы в оксбриджских галстуках и докторских мантиях, которые так гордятся своими связями, сохранившимися еще со времен школьного Дома²⁹. Ты только представь, как ты будешь с ними работать!

Я только головой покачала:

– Зато там деньги хорошие платят.

– Но ведь ты в деньгах больше не нуждаешься. – И это была чистая правда; я вообще почти перестала волноваться насчет денег с тех пор, как мы в прошлом году переехали к Доминику. – К тому же, подумай, как ты будешь себя чувствовать, вернувшись в то место, где бесследно пропал твой брат?

– Но это же только временно, – сказала я. – И вообще не волнуйся: со своими чувствами я вполне могу справиться.

– Надо было тебе все-таки добиться того места в «Саннибэнк». – Год назад в школе «Саннибэнк Парк» действительно была вакансия на английской кафедре, и я по просьбе Доминика подала заявку, но это место досталось кому-то другому. И он до сих пор был этим возмущен. Мало того, он еще и меня обвинял в нерасторопности.

– Ничего, что-нибудь другое найдется, – говорила я.

– Но вряд ли другое место будет таким же хорошим, – возражал он.

В общем, Доминик рассерженно отвернулся и стал заваривать чай. Он всегда начинал возиться с чаем, если бывал чем-то огорчен или разгневан. По-моему, он уже нарисовал себе заманчивую картину нашей будущей совместной работы в «Саннибэнк», как это было, когда я впервые попала в эту школу в качестве внештатного преподавателя и мы с ним виделись каждый день. Но меня-то всегда манили более высокие вершины. И вот теперь негодование Доминика стало прямо-таки физически ощутимым. Даже его смуглое приветливое лицо казалось твердым, как кусок дубовой древесины. И на меня он совсем не смотрел, полностью сосредоточившись на приготовлении чая.

– Ты же знаешь, Дом, я пыталась туда устроиться. Но мне отказали.

Доминик пожал плечами:

– Это ты сейчас так говоришь.

– Неужели ты считаешь, что я мало старалась? Что я умышленно не прошла собеседование?

Я тоже начинала злиться и невольно повысила голос. Хотя прекрасно знала, что рядом Эмили – затаилась в уголке над своей книжкой-раскраской и внимательно слушает. Эмили

---

²⁹ В привилегированных частных английских школах «Дом» (*англ.* House) – это группа учащихся разных классов (как дневной формы обучения, так и интерната), которую возглавляет старший воспитатель (*англ.* housemaster).

всегда сразу чувствовала любое возникшее между нами напряжение. Доминик стал споласкивать под краном чайные чашки, но слишком сильно открыл воду, и водопроводная труба тут же запротестовала: застонала, задрезбуждала. Я эти звуки всегда ненавидела. Они почему-то неизменно вызвали у меня воспоминания о Конраде и о каком-то темном пространстве со спертым воздухом.

Вот там он и живет. В сливном отверстии. Туда он и детей забирает.

Я заставила себя говорить спокойней и, положив руку Доминику на плечо, примирительным тоном сказала:

– Это же только временно. Честное слово, я спокойно со всем справлюсь, если ты по-прежнему будешь на моей стороне.

Выражение лица у него сразу стало менее напряженным. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ну, конечно, я всегда на твоей стороне, Бекс. Извини, я, кажется, несколько перегнул палку. Просто мне хочется, чтобы у вас, у тебя и Милли, все было хорошо. И ты это отлично понимаешь, да?

– Да. Я все это прекрасно понимаю, Дом.

В общем, кризиса мы избежали. Доминик всегда очень остро переживал любую несправедливость по отношению ко мне и всегда стремился меня защитить. В этом он был похож на хорошего пса: такой же надежный, полностью мне доверяющий и зависимый. А еще он был очень добрый и смешной. И был, безусловно, умен. И внешне обладал весьма привлекательной. И в постели был на высоте... И я уже далеко не впервые задала себе вопрос: так почему же я не смогла по-настоящему его полюбить? В нем не было ровным счетом ничего, что стоило бы *не любить*; однако в душе моей, в том самом месте, где должна была бы цвести моя к нему любовь, была лишь некая свистящая пустота, вроде разбитого окна. А может, это «разбитое окно» действительно образовалось там, где должна была бы существовать моя любовь *ко всем близким людям* – к моим родителям, к Доминику, к Эмили?..

Вот тут-то Эмили и сообщила нам из своего угла:

– А я в школе картинку нарисовала. Хотите посмотреть?

– Конечно, хотим, – тут же откликнулся Доминик и поманил ее к себе. Я хорошо помню, как ее розовая мордашка появилась из темной части гостиной, и в одной руке она держала листок из альбома для рисования, на котором в самом низу крупными неровными буквами было ею написано *то самое имя*. Я уже раскрыла ей навстречу объятия, надеясь ласково ее обнять, однако она напрямик направилась к Доминику. Собственно, так теперь было всегда. Возможно, и Эмили подсознательно чувствовала у меня в душе то *разбитое окно*.

– Между прочим, твоя мама сегодня работу получила, – сообщила я ей. Она никак на это не отреагировала.

– Наша девочка когда-нибудь станет настоящей художницей, – сказал Доминик, рассматривая ее рисунок. – Давай, дорогая, покажем это маме, пусть она посмотрит. – И он протянул рисунок мне. Издали я, кроме *того имени*, сумела разглядеть на листке только некое неясное цветное пятно, но уже сама *форма* этого пятна пробудила в моей душе некий холодный ужас. И теперь, держа рисунок перед глазами, я, естественно, сразу узнала и это бесформенное тело, и эту крошечную голову. И снова прочла то, что было написано внизу желтым карандашом...

– Кто это такой? – спросила я совершенно ледяными, онемевшими губами.

– Ой, мамочка, ну что ты? Посмотри: там же *написано*! – И Эмили как бы подчеркнула пальчиком каждое слово. – *Мистер Смолфейс*.

Горло у меня мучительно сжалось. Голос превратился в еле слышный шепот.

– Объясни мне, дорогая, кто он такой?

– Ну, он живет глубоко в водопроводных трубах. По ним он и наверх выходит, а вылезает из сливного отверстия в раковине. Иногда он из этого отверстия выглядывает и издает

вот такие звуки... – Эмили очень похоже изобразила то рычание и хлюпанье, которое порой доносится из старых труб, и я почувствовала, как по спине и рукам у меня побежали мурашки. Казалось, мне опять четыре года, я обеими руками держу закрытую дверь в ванную, и оттуда доносится зловещее завывание водопроводных труб, которое становится все громче, разворачиваясь в воздухе подобно огромному черному знамени.

– *Он идет,* – слышу я из-под двери чей-то шепот.

– Нет!

– *Он знает. Он всегда все может узнать. И теперь он идет, чтобы забрать тебя, Бекс.*

– Нет! – Но мой голос слабеет, сникает, умирает и, свернувшись спиралью, точно вода, исчезает в сливном отверстии раковины. Остается лишь тот страшный шепот, словно повисший в воздухе, и ощущение сдавленного горла и удушья, сопровождаемого жалкими попытками всосать в себя хоть капельку кислорода. Все остальные мои чувства исчезают под тяжким покровом ужаса. А там, где-то у меня за спиной, раздаются те страшные горловые звуки, то хлюпанье и завывание, переходящее в пронзительный визг...

– *Закрой глаза,* – снова слышу я знакомый шепот. – *Закрой глаза и постарайся свернуться в клубок, стать как можно меньше. Может, тогда он тебя и не заметит.*

И я, свернувшись клубком под дверью ванной комнаты, стараюсь стать как можно меньше, как можно незаметней, закрываю глаза и жду. Мало-помалу те жуткие звуки слабеют, превращаясь в цепочку икающих всхлипов, но я все еще не двигаюсь с места, не открывая глаз и подтянув коленки к груди. Точно так же потом я буду сидеть и в школьном шкафчике, когда меня найдут в раздевалке средних классов школы «Король Генрих».

С водопроводом в доме на Джексон-стрит всегда были нелады; тамошние трубы вечно против чего-то протестовали. Родители уверяли меня, что бояться нечего, но в четыре года мир вокруг непонятен и полон сверхъестественных страхов. Да и Конрад говорил, что мистер Смолфейс существует на самом деле; а ведь Конрад не мог совершить ничего плохого; ведь Конрад был моим братом.

Мистер Смолфейс живет в водопроводных трубах. Он сразу узнает, если ты зубы не почистишь.

А когда мистер Смолфейс протискивается по трубам наверх, как раз и возникают такие страшные звуки.

Жила-была одна маленькая девочка, которая не любила молиться перед сном. И мистер Смолфейс поднялся по водопроводной трубе, вылез из сливного отверстия в той раковине, что была у девочки в спальне, схватил ее за волосы и утащил в свое канализационное царство. Говорят, она и теперь еще там. Иногда люди слышат, как снизу доносится ее плач, как она умоляет мистера Смолфейса отпустить ее...

Да, наверное, это могло бы показаться жестокостью. Но все дети порой бывают жестокими, а мой брат был тогда тоже всего лишь ребенком. Вряд ли он отдавал себе отчет, до какой степени меня пугает мистер Смолфейс. Вряд ли он знал, что я каждый вечер, прежде чем лечь спать, тщательно затыкаю сливное отверстие в раковине пробкой, а на крышку унитаза наваливаю что-нибудь тяжелое, например книги. Вряд ли он мог себе представить, до чего часто мне снится мистер Смолфейс, у которого глаза как дыры на темном, ничего не выражающем лице, а все тело покрыто отвратительной темной слизью. Иной раз я, затаив дыхание, заглядывала в темное сливное отверстие, и мне казалось, что оттуда на меня кто-то смотрит.

Разумеется, я ни о чем таком Эмили не рассказывала; да и Стрейтли ничего не расскажу. Пусть все это так и хранится в моей душе. Ни к чему ворошить подобные воспоминания. Но ведь *кто-то же* рассказал Эмили о мистере Смолфейсе! А может, этот «кто-то» и дальше эту историю развил? Может, за эти годы мистер Смолфейс, как и многие другие монстры детского фольклора, пробрался все-таки в копилку городских мифов, постепенно переходя на детских площадках из чьих-то маленьких уст в чьи-то маленькие ушки?

Я вернула Эмили картинку, заставила себя весело улыбнуться и сказала:

– Но ведь ты же понимаешь, что он ненастоящий? Понимаешь, что никакого мистера Смолфейса на самом деле нет? Понимаешь, что его попросту кто-то выдумал?

– Конечно, понимаю. Я знаю, что его кто-то выдумал, – ответила Эмили с высокомерием мудрой шестилетки. – Я ведь уже не ребенок!

– Ну и где же ты эту историю услышала? – осторожно спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче.

Эмили только головой помотала:

– Это секрет.

– И от меня?

Ее взгляд явственно ответил: *Ох, только, пожалуйста, не надо! Зря ты думаешь, будто хорошо меня знаешь.* Господи, думала я, до чего же дети похожи на домашних кошек! Те и другие выработали свои правила поведения, благодаря которым они так нравятся взрослым, кажутся им такими трогательными. Дикие кошки, как известно, молчаливы. Среди своих сородичей они предпочитают хранить безмолвие. Однако, желая привлечь внимание людей, они начинают и мяукать, и мурлыкать, и тереться о ноги хозяйки или о ее кровать. Точно так же ведут себя и дети в присутствии взрослых; их специальное, *детское*, поведение изобретено для того, чтобы что-то выклянчить или, например, скрыть тот факт, что они прирожденные убийцы.

– Кто рассказал тебе о мистере Смолфейсе, Эмили? – строго спросила я. – Кто-то из твоего класса?

Она молча улыбнулась и покачала головой.

– Но тогда кто же? – Я тщетно пыталась скрыть нетерпение. Разговорчивостью Эмили никогда не отличалась, да и экстравертом никогда не была. Скрытный тихий ребенок, довольно спокойный и с виду вполне счастливый. Играет себе с куклами или читает какую-нибудь книжку с картинками. Если бы у меня был выбор, я бы, конечно, предпочла, чтобы моя маленькая дочь была доверчивой улыбчивой девочкой, похожей на ту, чьим именем я ее назвала: на Эмили Джексон, милую, веселую, с чудесными розовыми щечками и не слишком развитым воображением. Но, увы, моя Эмили оказалась очень, даже, пожалуй, чересчур, похожа на меня. Точнее, на ту девочку, какой я была в ее возрасте. И у нее были такой же тихий голос и большие глаза, полные неведомых тайн.

– Так кто все-таки рассказал тебе о мистере Смолфейсе? – снова спросила я.

Несколько мгновений она смотрела на меня. Наверняка это кто-то из школы, думала я. Подобные «страшилки» распространяются по игровым площадкам с той же скоростью, как и песенки из детской. Страшная Од-Гутти, смешной Дверовой, жуткий Том Покер³⁰, бука – нам кажется, что всех этих монстров из нашего детства мы благополучно переросли. А теперь к их компании присоединился еще и мистер Смолфейс. Так, может, обо мне он уже попросту забыл? Вот о чем я думала, глядя на этот рисунок, который моя дочь мне с гордостью показывала – так домашняя киска приносит своей хозяйке в подарок обезглавленную мышь.

Эмили еще немного помолчала, потом улыбнулась во весь рот и сообщила:

– Да мне сам Конрад об этом рассказал!

---

³⁰ Од-Гутти – волшебное существо, фея, охраняющая фрукты и ягоды; похищает детей, осмелившихся залезть в ее сады и леса; выглядит как огромная волосатая гусеница. Дверовой – как правило, ребенок младшего возраста, открывавший вентиляционные двери в шахтах; устаревшая шахтерская профессия. Том Покер – страшилище из мультфильма.

Глава четвертая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 5 сентября 2006 года

Май 1989-го. Да, в это время Эрик еще должен был там работать, хотя уже осенью он снова вернулся в «Сент-Освальдз». Появление женщины среди преподавателей школы «Король Генрих» – вещь сама по себе достаточно необычная, а то, что эта женщина была молодой и весьма привлекательной, наверняка заставило многих тамошних учителей негодуяюще поднять бровь. Я все пытался понять, почему же все-таки Эрик ее не узнал, когда она прибыла в «Сент-Освальдз» вместе с Харрингтоном в качестве члена его злополучной Антикризисной Команды, призванной спасти нашу погибающую школу. Хотя, конечно, прошло уже почти двадцать лет. Да и фамилия у нее была другая. Но все равно странно. Он, несомненно, должен был ее узнать! Но даже если и узнал, так ничем себя и не выдал.

А 1989 год я помню хорошо. Это был относительно спокойный год, без каких-либо особых происшествий, если не считать чрезвычайно поспешного увольнения молодого назначенца по фамилии Фентимен. Он лишь раз успел взглянуть на мой тогдашний класс 3S и сбежал, не доработав и до конца первого дня триместра. С тех пор мы о нем больше не слышали. Ну, что ж. И такое порой случается. Тем более тот класс 3S был каким-то особенно буйным и причинял преподавателям беспокойства даже больше, чем мои нынешние «Броди Бойз». С другой стороны, Фентимен был выпускником Оксфорда, явился к нам с наилучшими рекомендациями и в свои тридцать с лишним лет должен был бы, наверное, представлять себе, каковы бывают проявления юношеской резвости. Однако никогда ведь не знаешь, на каком уровне может быть сломлено мужество новичка, которого ученики всегда подвергают самым различным испытаниям. В данном случае это была довольно грубая шутка, придуманная мальчиком по имени Даррен Милк, который был практически версией моего Аллена-Джонса: такой же непокорный, но в целом безвредный. Шутка была из серии классических, в стиле дохлая-мышь-в-учительском-столе, только вместо мышки Милк использовал своего ручного тарантула. И справедливости ради надо сказать, что ни юный Милк, ни другие мальчишки понятия не имели, что новый преподаватель страдает жестокой арахнофобией, то есть патологически боится пауков. Не знали они и о том, что он в ожидании перемены оставил в ящике своего стола открытый пакет с печеньем, «улучшающим пищеварение», в который тарантул и забрался.

В результате, когда во время перемены принесли чай, все вышло *настолько удачно*, что даже самый закоренелый пранкер остался бы доволен. Фентимен не только с позором покинул сцену действия, но и совсем решил уйти из школы. Через несколько дней он прислал официальное письмо с просьбой об увольнении, и нам, остальным сотрудникам языковых кафедр, пришлось в течение всего триместра как-то его замещать. Что случилось с тем тарантулом, неизвестно: ходили слухи, что и он тоже сбежал, когда перед ним открылась возможность обрести свободу, и в итоге, видимо, стал основателем расы гигантских пауков, которые до сих пор обитают у меня на Колокольне в потолочных перекрытиях и за плинтусами.

А что касается Эрика, то в тот период мы с ним, конечно, виделись время от времени, но не так часто, как раньше, когда были коллегами в «Сент-Освальдз». И, по-моему, он очень скучал по прежнему месту работы, хоть и притворялся, будто это совсем не так. Он всегда с таким жадным интересом выпрашивал, что там у нас происходит! Мы с ним обычно встречались по субботам в «Жаждающем школяре», часов так в шесть вечера, выпивали по паре больших кружек пива, спокойно курили (в те времена еще никаких ограничений не было), и я пересказывал ему содержание очередной серии той вечной мыльной оперы, каковую являла собой обстановка в «Сент-Освальдз». «Школяр» находился довольно далеко от дома Эрика –

куда ближе был местный паб «Шанкерз Армз», но туда ходили в основном саннибэнкеры, так что Эрик его посещать не желал.

– Слишком уж там шумно, Стрейтс, и много всякого хулиганья, – говорил он. – Там ведь вся «соль земли» собирается.

Да, моего старого друга вполне можно было назвать снобом. Я, правда, и сам не слишком высокоморален: я тоже предпочитаю «Школяра» с его старыми, побитыми временем дубовыми шкафами. Некоторые из них перекочевали туда из старой библиотеки «Сент-Освальдз», которая была вычищена, перестроена и полностью обновлена еще в 1834 году благодаря Иеремии Смартуэйту, местному угольному миллионеру с манией бессмертия. Библиотека «Сент-Освальдз» и до сих пор носит официальное название «Библиотека Смартуэйта», и там над камином висит потрет этого благотворителя, а под ним табличка, увековечивающая его деяние. На портрете изображен человек с неприступным, почти угрожающим, выражением лица, жалкой бородкой и осуждающим взглядом.

Возможно, Эрик еще и поэтому предпочитал «Школяра»: этот паб как бы связывал его с «Сент-Освальдз». Именно там мы с ним с давних пор привыкли обсуждать всякие драматические события, чуть ли не каждый день случающиеся в школе, собственные мелкие победы и конфликты, недостойное поведение коллег – словом, ежедневные трагедии и фарсы. Он рассказывал мне о своей матери, о планах на будущее, о своем здоровье, а вот непосредственно о школе «Король Генрих» или о своих взаимоотношениях с тамошними коллегами он упоминал крайне редко. Его дезертирство навсегда легло между нами неким безмолвным валом густого тумана. Но в итоге он все равно к нам вернулся, сменив злосчастного Фентимена, чье бегство с кафедры французского языка и обеспечило необходимую Эрику вакансию, и, кроме того, он получил шанс сохранить лицо.

– Значит, Милк, – сказал он мне, услышав историю бегства Фентимена. – Да, я кое-что припоминаю. У меня в классе когда-то был ученик по фамилии Милк. Он к этому Милку, случайно, не имеет отношения?

– Вполне возможно. Эти мальчишки, как известно, вездесущи.

– Да-да, я помню, по французскому он у меня неплохо шел, на экзамене «В» получил... – Эрик всегда запоминал учеников не по их личным качествам, а по оценкам. Я, например, понятия не имею, что этот Милк получил по латыни на экзамене «O-level»³¹, но его самого я хорошо помню: тихий мальчик с русыми волосами и светлой, выгоревшей челкой. Что было вполне предсказуемо, мальчишки дали ему прозвище Милки, или даже Милки Бар Кид, как в рекламе этих конфет. И если Даррена Милка подобное прозвище порой и раздражало, то он никогда этого не показывал. Зато весьма умело и втихую мстил. Он вообще был мастером всяких тайных дерзких выходок, одна из которых, несомненно, и явилась причиной столь поспешного бегства из нашей школы злополучного мистера Фентимена.

– Да уж, тот еще шутник, – подхватил я. – Хотя, по-моему, если ты берешься преподавать в «Сент-Освальдз» и при этом не способен сдержаться, обнаружив в ящике своего стола парочку пауков, то ты недостойн звания Мастера. – Увы, бедный Фентимен оказался как раз из таких. Не могу сказать, что хорошо его знал, хотя, пожалуй, разок имел с ним беседу у дверей учительской в его первый день у нас в школе.

– Вот чем кончаются попытки брать на работу в школы выпускников Оксфорда, – сказал Эрик. – Они всегда уверены, что запросто с любой работой справятся. Но при этом не имеют никакого реального жизненного опыта.

Это было обычное брюзжание, столь свойственное старине Скунсу, который всю жизнь возлагал ответственность за отсутствие у него карьерного роста на свой диплом, полученный

---

³¹ O-level (Ordinary Level – *англ.*) – «обычный уровень»; экзамен по программе средней школы на обычном уровне, который сдается по окончании пятого класса.

в Лидсе, а не в Оксфорде или Кембридже под присмотром тамошних университетских прокторов в шляпах-котелках. Именно поэтому он сразу же невзлюбил и Фентимена, который в первый же день работы в школе явился туда в блейзере и галстук оксфордского колледжа, заслужив этим весьма нелицеприятные и даже грубые комментарии от учеников 3S.

– Сэр, вы больше на одну из этих «генриетт» похожи. Вы, случайно, школой не ошиблись?

– Сэр, вы наш новый студент-практикант? Или это обмен школьными кадрами?

Мальчишки порой могут быть поистине безжалостны, особенно если почуяли слабость. Сходство нового преподавателя с представителями вечно соперничающей с нами школы для мальчишек, должно быть, сработало как триггер, как самый настоящий наглый вызов, иначе они бы наверняка дали ему хоть недельку, чтобы он успел немного по привыкнуть.

– Ну, а что нового у вас, в «Короле Генрихе»? – спросил я, стремясь отвлечь Эрика и хоть немного поднять ему настроение. – Среди новых преподавателей есть кто-нибудь интересный?

Эрик фыркнул.

– И даже несколько! Причем один из них – женщина!

– Ого!

Разумеется, он имел в виду Ребекку Бакфаст. Точнее, мисс Прайс – именно так ее следовало в те времена называть. Двадцать три года, с зелеными, как жадеит, глазами и волосами цвета янтаря. Жаль, что меня тогда так мало заинтересовало это краткое сообщение, но откуда мне было знать? Так что я просто пожал плечами и стал слушать Эрика.

– Нам этот «прибыток» из прошлого триместра достался, – проворчал Эрик и закурил «Голуаз». Во время работы он себе никогда не позволял курить. Считал, что курящий преподаватель выглядит непрофессионально. И я спросил:

– По-моему, ты говорил, что она у вас не останется. Неужели она все-таки оказалась умнее, чем тебе это представлялось?

Он снова то ли фыркнул, то ли чихнул.

– Не могу сказать, что так уж внимательно ее разглядывал! Я ее вообще практически не заметил.

Наверное, мне следовало бы догадаться, что Эрик что-то от меня скрывает. Я попытался представить себе тот разлад, который мисс Прайс внесла в стройные ряды преподавателей «Короля Генриха», выделяясь среди них, как какаду в стае воробьев. И, *разумеется*, Эрик должен был ее заметить. Так зачем же притворяться? Я-то знал, что под своей внешностью мрачного ворчуна Эрик скрывает душу настоящего сплетника. И в течение триместра он уже успел поработать с мисс Прайс, так что наверняка собрал о ней более чем достаточно всевозможных скандальных слухов. Интересно, почему же он в таком случае не желает ими со мной поделиться? В те времена я попросту списал это на счет его общей угрюмости, но теперь, когда мне стало известно о нем нечто совсем иное, я догадываюсь, что для его тогдашней молчаливости были куда более глубокие и серьезные причины.

Интересно, а что об этом знает Ла Бакфаст? Подозревала ли она в чем-нибудь Эрика Скунса? Хотелось бы мне знать, уж не связано ли ее нежелание обращаться в полицию с тем, что Эрик...

Нет, не может быть. Ее брат исчез много лет назад. А точнее – тридцать пять. Целых сто пять триместров! Именно столько я преподаю в «Сент-Освальдз» с тех пор, как перевелся сюда после пяти лет прозябания в куда менее престижной школе в Лидсе. Трудно припомнить себя таким молодым, как трудно припомнить и то, как я начинал здесь свой первый триместр уже в качестве преподавателя. Все казалось мне одновременно и знакомым, и совершенно чужим. Учительская; комната отдыха; мой кабинет на Колокольне. Правила, которые я никогда не соблюдал, будучи здесь учащимся, но которые теперь буду вынужден соблюдать неукоснительно и ежедневно. Кое-кто из самых старых учителей школы – например, наш Капеллан, – знал меня еще мальчишкой.

Зато в «Сент-Освальдз» уже работал мой старый друг Эрик, который мог показать мне там все новые ходы и выходы. Эрик, с которым мы с детства были неразлучны. Но, как оказалось, у Эрика была и вторая, тайная и порочная, жизнь, которую он от меня скрывал, и мне потребовалось тридцать четыре года, чтобы понять, в чем заключалась ее суть. Однако ничто так и не было вынесено на суд общественности, а Дэвид Спайкли – этот беспокойный, угрюмый, замкнутый мальчишка – надежным свидетелем, разумеется, считаться не мог. И я даже теперь все время невольно придумываю для Эрика разные оправдания. Ведь, собственно, никаких реальных доказательств обнаружено так и не было. А человек, безусловно, считается невиновным, пока его вина не доказана. Но в глубине души я не сомневаюсь: Эрик действительно насильвовал Дэвида Спайкли и поспешил убраться из «Сент-Освальдз», как только Гарри Кларк пал реальной жертвой столь же скандальной истории.

И вот мы снова, Эрик и я, столкнулись с очередным преступлением, с которым нельзя не считаться, ибо это *еще один мертвый мальчик*. Нет, на сей раз это, слава богу, не один из наших учеников. Но могу ли я быть *по-настоящему* уверен, что Конрад Прайс не был одним из *его мальчиков*?

Нет, это просто немыслимо. И все же я постоянно об этом думаю. Эрик раньше всегда ездил на зеленом «Остин Моррисе», который любовно называл *Бесси* и который летом 1971 года вдруг, без каких бы то ни было объяснений, заменил другим автомобилем. А что, если это *именно он*, мой друг Эрик, тогда, 9 июля, подъехал к школе «Король Генрих» на своем зеленом автомобиле? Уж не подозревала ли Ребекка Прайс, что *именно он*, Эрик Скунс, скрывался за пресловутой зеленой дверью? И что произошло между ними летом 1989 года?

Глава пятая

Классическая школа для мальчиков «Король Генрих», 10 апреля 1989 года

Да, конечно, я знала Эрика Скунса. Вряд ли, конечно, я знала его по-настоящему, но, по крайней мере, в не меньшей степени, чем всех прочих преподавателей школы «Король Генрих». Хотя когда я в прошлом году появилась в «Сент-Освальдз», он абсолютно не соотнес меня с той хрупкой молодой женщиной, какой я была почти двадцать лет назад, в 1989-м. Честно говоря, я за это время и впрямь буквально создала себя заново; я изменилась куда сильнее, чем за такое время меняется большинство других женщин; я словно прожила три жизни – как мать, как жена и как вдова. Я и внешне очень сильно изменилась: пополнела, сумела приручить свои непокорные волосы. Тогда, в двадцать три года, я толком и не замечала, как часто мужчины оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. А ведь я уже была матерью шестилетней девочки. И чувствовала себя куда более зрелой, чем мои сверстницы. По правде говоря, я и сама была еще ребенком. Алисой, провалившейся в кроличью нору.

Итак, в понедельник 10 апреля я впервые подъехала к школе «Король Генрих», своему новому месту работы. Было восемь часов утра. Я припарковала древний синий «Мини» на стоянке для сотрудников, где было уже немало дорогих «Ауди» и «Ягуаров». О своем внешнем виде я позаботилась заранее. На мне был темно-синий брючный костюм и белая шелковая рубашка; волосы я аккуратно собрала на затылке в пучок. В школе «Саннибэнк Парк» учителя ходили в том, что нравилось или было удобно им самим – в основном это были джинсы и рубашки с расстегнутым воротником. Но я хорошо понимала, что в «Короле Генрихе» меня будут судить за каждую мелочь, какую только сумеют обнаружить, и постараются незамедлительно ее против меня использовать. Мой новенький красный атташе-кейс был подарен мне Домиником на день рождения. Он, помнится, со смесью жалости и неверия встретил мои откровения насчет того, что мне ни разу в жизни не довелось отпраздновать свой день рождения. Он, разумеется, тогда еще и с родителями моими знаком не был. Да и они не проявляли к его персоне ни малейшего интереса – даже в тех немногочисленных случаях, когда я сама о нем упоминала. Но это был самый первый подарок на день рождения, который я получила с тех пор, как исчез Конрад, и хотя я ничего не могла с собой поделать и постоянно видела сходство моего нового красного атташе-кейса с тем красненьким портфельчиком из давно минувшего прошлого, я все равно восприняла подарок Доминика как некий жест примирения, как свидетельство того, что он, несмотря на все свои принципы, хочет, чтобы в «Короле Генрихе» мне улыбнулась удача.

Школа помещалась в красивом здании, хотя и несколько помпезном с архитектурной точки зрения. От кованых ворот прямо к главному входу вела просторная подъездная дорога, обсаженная вишневыми деревьями, которые как раз зацветали. Поднявшись по широким пологим ступеням, я вошла внутрь; главный вход был предназначен для посетителей и преподавателей школы. А для учеников имелись две боковых двери: слева от крыльца для младших и средних классов, а справа – для старших. От каждого из этих входов можно было по лесенке в несколько ступенек спуститься в раздевалку. Когда-то именно там я порой подолгу ждала Конрада, поскольку занятия в моей начальной школе кончались минут на десять раньше. Моя школа «Чепел Лейн» находилась чуть дальше по той же улице и скрывалась за старыми деревьями, и я обычно самостоятельно преодолевала то небольшое расстояние в несколько десятков ярдов, что отделяло «Чепел Лейн» от «Короля Генриха», проникала в здание через боковую дверь для учащихся, спускалась в раздевалку и ждала брата возле его шкафчика. А потом Конрад отводил меня домой и снова уходил куда-то со своими друзьями.

Я помнила его друзей: Фэтти, Модника (его еще звали Мод) и Милки. Они всегда были вместе – и в школе, и на игровых площадках; а то уходили на пустыри, которые у нас назы-

вали Глиняным Карьером, или слонялись вдоль заброшенной ветки железной дороги. Мои родители, помнится, этих друзей Конрада не слишком одобряли – у Милки родители были в разводе, Фэтти был далеко не атлет (что особенно не нравилось моему отцу), а Мод, что куда хуже, был *цветным*. Впрочем, с точки зрения моих родителей, никто и не мог быть достаточно хорош, чтобы дружить с Конрадом. Для них он всегда был очаровательным невинным агнцем, которого сбивают с пути всякие «козлища». В общем, он был слишком хорош и для этого мира, и вообще *для кого бы то ни было*.

Не знаю, что заставило меня в первый же день работы спуститься в эту раздевалку. Возможно, я просто хотела посмотреть, что там за это время изменилось. А может, я по-прежнему надеялась, что стоит мне увидеть знакомые шкафчики, и я сумею припомнить что-то новое, хоть и прошло уже столько лет. Ведь память – как зыбучие пески, проросшие выюнками. Однако и в зыбучих песках порой можно все-таки отыскать тропу, ведущую в некое почти забытое место. Иногда помогают запахи и звуки. Мне, например, запахи и звуки помогали особенно часто.

Не поднимаясь на парадное крыльцо, я свернула налево и вошла в школу через боковую дверь, которую с грохотом захлопнул за мной резкий порыв апрельского ветра. В коридоре никого не было. Я, разумеется, тут же узнала знакомый запах старой мебели и полироля. Я еще раз свернула налево и по маленькой лесенке стала спускаться в раздевалку средних классов, когда откуда-то снизу прямо мне в лицо ударил поток воздуха и невероятный шум. В раздевалке из-за очень высоких потолков любые звуки отдавались в виде гулкого многократного эха. А в этот момент там буквально кишели мальчишки. Они, поднимаясь и спускаясь по лестнице, толкались и непрерывно что-то вопили, а какой-то преподаватель в черной магистерской мантии тщетно пытался навести порядок.

– Держитесь левее! *Левее* держитесь!

Со Скунсом я тогда, разумеется, даже знакома не была. И, разумеется, он был тогда значительно моложе. Хотя вы-то, Рой, конечно же, сразу бы его узнали. Излишне полный для своего возраста. Голос зычный, даже громоподобный. Глаза невыразительные, как блестящие слюды. Ученики никогда особого уважения к нему не испытывали. Ни в классе, ни в раздевалке. Да и сейчас, стоя на ступеньках лестницы и пытаясь командовать потоками мальчишек, он, честно говоря, вряд ли имел шансы на успех.

– Ты, ты, мальчик в галстук «Марри Хаус»! Учти: я *все* видел! Кто твой классный наставник?

Я, конечно, тогда еще этого не знала, но вскоре поняла, что Скунс никогда не затрудняет себя попыткой запомнить имена и фамилии учеников хотя бы своего класса. Вместо этого он предпочитает обходиться деталями, которые, впрочем, могут быть свойственны десяткам, если не сотням, мальчишек. Это, например, мог быть галстук того или иного школьного Дома; или очки; или расцветка блейзера; или значок префекта. В общем, ничего удивительного, что его яростные короткие призывы к порядку оставались почти никем не замеченными.

– Ты, ты, мальчик с рыжей шевелюрой! Где твой школьный галстук?

Я так и застыла на ступеньке лестницы, уставившись на него во все глаза. А он, уже успев спуститься в раздевалку, продолжал испепелять меня гневным взглядом. Из-за спины у него сквозь стеклянные кирпичики узких окон, расположенных чуть ли не под потолком, под углом падал холодный свет утреннего солнца. Этот свет тоже хорошо сохранился в моих детских воспоминаниях; он создавал такое ощущение, словно ты находишься на дне моря, а где-то там, наверху, по земле проходят мимо ноги людей, похожих на привидения и смутно различимых сквозь странные оконные стекла, словно сложенные из плоских камешков.

– Ну? – вопрошал Скунс, продолжая есть меня взглядом. – Где же твой галстук?

Я даже как-то не сразу поняла, что он обращается ко мне, но потом догадалась: видимо, при неярком освещении да еще и в брючном костюме с почти мужской рубашкой я и впрямь, пожалуй, была похожа на одного из здешних учеников.

– Я с *тобой* разговариваю, мальчик! – вновь прогремел трубный глас Скунса. Но теперь в ответ ему уже зазвенел смех: ученики, остановившиеся на лестнице рядом со мной, первыми поняли, в чем его ошибка.

– Сэр! Это не мальчик, сэр!

– Вы разве не знаете, сэр, чем мальчик отличается от девочки?

Хохот и насмешки звучали все громче. И направлены они были в основном не на меня, но и я, тем не менее, оказалась подхвачена этим буйным вихрем неповиновения. Он крутил меня, как водоворот щепку; он ударял в меня с силой океанских волн; он насмеялся надо мной голосом моего брата. Скунс решительным шагом вернулся к лестнице, поднялся по ней и остановился передо мной. Лицо его было искажено яростью, извиняться он явно даже не собирался.

– Какого черта вы здесь торчите? – проорал он прямо в мое растерянное лицо. – Это вам не променад! Посетителям *полагается* входить в школу через *центральную* дверь!

Я ухитрилась промямлить что-то насчет своего желания немного осмотреться, но этим, похоже, вызвала лишь очередной взрыв его гнева. Голос Скунса, и без того громоподобный, теперь заполнял собой все здание школы. На какое-то мгновение я снова почувствовала себя пятилетней, когда мне казалось, что меня проглотил кит, который говорил со мной голосом мистера Смолфейса – тем самым, что гулким ревом доносился из водопроводных труб.

– Это школа, мадам, а не зоопарк! Ступайте к главному входу и спросите там секретаря!

Да, вам, Рой, должно быть, почти невозможно себе представить, что Скунс оказался способен до смерти меня напугать. Но поймите, я ведь была тогда еще очень молода. И совершенно не готова к столь свирепому приему. И потом запахи в этой раздевалке – хлорки, футбольных бутсов, мальчишеского пота и еще чего-то куда более мрачного, зловещего, тайного – были точно такими же, как и тогда, в день моего рождения, в день исчезновения Конрада, в тот самый день, который я так никогда и не смогла толком восстановить в своей памяти.

В общем, я развернулась и позорно бежала, слыша за спиной взрывы нахального мальчишеского смеха и думая – уже не в первый и далеко не в последний раз, – что, должно быть, совершила ужасную ошибку, согласившись на эту работу.

Глава шестая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 5 сентября 2006 года

Итак, прямо в первый же день Михайлова триместра я отправился осматривать окрестности будущего Дома Гундерсона. Там все было по-прежнему, однако дыра в изгороди оказалась заделана толстой проволокой. Но мне и сквозь проволочную сетку был хорошо виден тот грязный комок, который людям с избыточным воображением и впрямь мог бы показаться похожим на человеческие останки, хотя со вчерашнего дня это сходство, пожалуй, стало менее очевидным. Может быть, потому, что вчера был легкий туман, а сегодня всюду светило солнце. Ведь в солнечном свете все всегда выглядит как-то лучше. Да и та зловещая тень на стене, которая вчера вызывала мысли о чудовищах, сейчас смотрелась почти безобидно. Сегодня мне вообще показалось, что тот страшноватый ком грязного тряпья и – *возможно!* – человеческих костей, который мы видели на осыпавшемся берегу котлована, полного воды, это действительно всего лишь слипшийся сгусток мусора, а значок префекта школы «Король Генрих» угодил туда чисто случайно. Я, впрочем, не заметил ни малейших признаков того, что на стройке побывала полиция. Хотя, с другой стороны, зачем полиции сюда приходить? И потом, Ла Бакфаст ведь ясно выразила желание сперва рассказать мне некую, важную для нее, историю. А я обещал выслушать эту историю до конца. Возможно, когда она закончит свой рассказ, полицию она все-таки вызовет. И, возможно, прямо сегодня вечером. Или завтра. Да и в любом случае не все ли равно? Этот *ужасный предмет* находится там так давно, что наверняка подождет и еще день-два, никуда не денется.

А вот что мне сказать «Броди Бойз»? Ведь сегодня они в школе и, конечно же, явятся ко мне с вопросами. Хотя вряд ли сегодня у нас найдется время для продолжительных разговоров. Первый день нового триместра всегда связан со всевозможными нарушениями дисциплины и общей суматохой, а уж теперь, когда двери нашей школы открыты для девочек, покой и вовсе нам будет только сниться; а у меня лично будет куда меньше возможностей спокойно выкурить «Голуаз» до начала очередного урока или не спеша выпить чашку чая, пока идет утренняя перекачка.

К счастью, в нашей *новой* школе мальчики и девочки по некоторым предметам учатся отдельно. Например, Китти Тиг, заведующая кафедрой французского языка, является наставницей в классе, состоящем исключительно из девочек, а в моем классе исключительно мужской контингент. Все это в полном соответствии с распоряжениями нового директора. Ла Бакфаст считает, что на занятиях классическими дисциплинами девочки успевают лучше мальчиков, а потому им лучше заниматься отдельно, тогда как на уроках по социально ориентированным предметам мальчики часто выигрывают – в том числе и благодаря цивилизирующему присутствию девочек. Таким образом, согласно ее теории, подобный подход дает возможность использовать преимущества тех и других и обеспечивает нашей школе столь необходимый ей приток новой крови – а также, разумеется, и приток дополнительных средств в виде платы за обучение, что способно помочь нашему старому кораблю сняться с той каменистой мели, на которой он в настоящее время оказался.

Однако все эти благие преобразования никак не меняют моего личного к ним отношения. Мы любим то, что любим, и это абсолютно ни от чего не зависит. Этому меня еще Гарри Кларк научил. И хотя шансы на выживание «Сент-Освальдз» и впрямь, пожалуй, существенно повысились благодаря инъекции, так сказать, свежей крови, я все же не нахожу в себе сил всей душой принять эти перемены. *Ad astra per aspera*. К звездам ведет скалистый путь. Но если скалы окажутся слишком высоки, капитан обязан пойти на дно вместе со своим судном.

Нет, я здесь, конечно, не *настоящий* капитан. Я по-прежнему юнга, хотя теперь уже старый, седой и усатый, как тот проклятый матрос, что был приговорен вечно бороздить моря под одним и тем же старым потрепанным флагом³². Во время перерыва на ланч я, сидя у себя в классе, проверял только что написанный тест по грамматике и закусывал сэндвичем с ветчиной и сыром, но все же заметил, что в дверь то и дело осторожно заглядывает Аллен-Джонс. Я почти не сомневался, что ему не терпится со мной поговорить, но для этого я, согласно школьным правилам, должен был пригласить его войти. Однако же я лишь с улыбкой пожал плечами, как бы говоря, что сейчас мне некогда, и вернулся поискам ошибок в работах учеников, надеясь, что подобный ответ главаря «Броди Бойз» вполне удовлетворит.

Но Аллен-Джонс никогда не принадлежал к числу тех, кто с первого раза понимает намеки. Он еще немного постоял у дверей, потом постучался и сразу же решительно вошел в класс. Выглядел он, надо сказать, весьма встревоженным.

Я молча посмотрел на него поверх листов с контрольными, и он тут же выпалил:

– Сэр, можете вы мне сообщить что-нибудь новое?

Я лукаво на него посмотрел:

– Какие именно новости вас интересуют?

– Ну, о том... о *той вещи*. Ну, вы же понимаете... – И он выразительно обвел глазами моих нынешних учеников из класса 2S, которые, расположившись небольшими группами, ели принесенный с собой завтрак, или играли в шахматы и в карты, или читали. Я заметил с легкой грустью, что теперь на бывшей парте Аллен-Джонса сидит какой-то невыразительный мальчик по фамилии то ли Теббитт, то ли Тиббетт (я уже не способен с той же легкостью, как прежде, запоминать имена и фамилии своих учеников с первого дня занятий), с задумчивым видом ест из пакета «Хула Хупс» и одновременно листает потрепанный американский журнальчик «Viz».

– Ах, о той вещи, – сказал я, стараясь улыбаться этакой «сенаторской» улыбкой. – Этим в настоящее время занимаются... э-э-э... соответствующие должностные лица. Так что благодарю вас за беспокойство.

Аллен-Джонс так и уставился на меня:

– Значит, вы сообщили об этом в полицию, сэр? И что они сказали? Неужели это?.. Ну, вы же понимаете... – Он понизил голос до шепота: – Неужели это действительно то, о чем мы подумали?

– К сожалению, я в данный момент ничего на сей счет сказать не могу, – ответил я, тщательно подбирая слова. – Время покажет. Всякие там пробы, образцы и так далее. Но спасибо, что заглянули ко мне. И мне кажется, что сейчас вам и всем остальным лучше пока воздержаться от обсуждения этой темы даже друг с другом. – Я позволил себе перевести взгляд на своих второклассников, по-прежнему сидевших кучками в разных углах. – Не хотелось бы, знаете ли, беспорядка в рядах новобранцев.

Он кивнул, но вид у него был неудовлетворенный, и мне ничего не оставалось, как вернуться к проверке контрольных работ. Вообще-то я терпеть не могу вот так затыкать рот хорошим людям, но в данном случае мне совсем не хотелось, чтобы Аллен-Джонс втянул меня в серьезный разговор. Он, возможно, юноша и несколько расхлябанный, особенно когда речь идет о латинской грамматике, зато мыслит необыкновенно ясно, давая оценку тому или иному человеку. И я отнюдь не был уверен, что в данном случае он поймет, почему я отвечаю так неохотно и действую так медленно, и вряд ли догадается, почему данная ситуация требует столь деликатного подхода.

– Сэр, у меня к вам еще один вопрос, – сказал он, совсем понизив голос.

Я вздохнул и снова посмотрел на него, оторвавшись от проверки тестов.

---

³² Имеется в виду поэма С. Кольриджа (1772–1834) «Сказание о Старом Мореходе».

– Это насчет Бен, – прошептал Аллен-Джонс.

– А что – насчет Бен?

– В том-то и дело. – Аллен-Джонс не сводил с меня глаз. – Помните, сэр, как я тогда пришел к вам и сообщил, что я гей? А вы даже не спросили, откуда мне это известно. Вы лишь поинтересовались, не может ли это помешать мне как следует заниматься латынью.

Я кивнул. Я хорошо это помнил. Честно говоря, мне всегда становилось не по себе, если приходилось обсуждать с учениками вопросы сексуальности или гендерной принадлежности. По моим представлениям, чем меньше об этом говорить, тем лучше.

– Вы что же, хотите уверить меня, что и Бен – *тоже гей*?

Аллен-Джонс покачал головой. У него был такой вид, словно он сражается с переводом какой-то на редкость трудной латинской фразы.

– Тогда что же? – Я по-настоящему пребывал в замешательстве. Хотя сообщение о Бен меня ничуть не удивило. Чересчур короткие волосы, чересчур резкие манеры, чересчур кате-горичный отказ носить юбку. Сегодня молодежь куда сложнее, чем в прежние времена. Дик и Джейн. Дженет и Джон. Косички с бантиками, очаровательные щечки. И совершенно не требовалось задавать себе вопросы, кто есть кто и почему это именно так. Когда я был мальчиком, девочки мне представлялись поистине гостями из иного мира.

– Так что именно Бен хотела мне сказать? – спросил я. – И почему она не пришла ко мне со своими вопросами сама?

Аллен-Джонс снова посмотрел на меня. Его синие глаза были очень-очень серьезны.

– *Хотел*, сэр. *Он* уже несколько раз пытался с вами поговорить об этом. С самого начала, когда еще только начал здесь учиться, *он* пытался вам объяснить. *Он* и всем нам рассказал, *кто он на самом деле*. А когда человек тебе такое рассказывает, его, ей-богу, стоит послушать.

Когда Аллен-Джонс наконец ушел, я задумался о том, что он мне только что рассказал. Я не раз слышал, как тот или иной мальчик вдруг заявлял о своей принадлежности к противоположному полу, но с *моими* учениками такое происходило впервые. Еще лет двадцать назад я наверняка попросту отмел бы подобные заявления. Я понимаю, конечно, что являюсь представителем старой гвардии и обременен всеми предрассудками моего поколения. Однако преподаватель классических языков *просто обязан* иметь хоть какое-то представление о концепции метаморфозы. Возможно, это у них пройдет. Надеюсь, что пройдет – ведь каждый ребенок, конечно же, должен стремиться стать таким же, как все другие дети. Но Бен никогда не была *такой, как другие*; она, как и Аллен-Джонс, похоже, лучше, чем большинство подростков, сознавала, кто она такая на самом деле. *Когда человек рассказывает тебе, кто он на самом деле, его, ей-богу, стоит послушать*. Так мог бы сказать Гарри Кларк, и мысль о нем неожиданно наполнила мою душу острой тоской. Гарри всегда старался быть самим собой. Но когда наши друзья рассказывают нам, кто они такие на самом деле, разве мы *по-настоящему* их слышим? Я вздохнул и сунул руку в ящик стола в поисках пакетика с разноцветными лакричными леденцами. Хотелось бы мне верить, что эта исходно пасторальная история с человеческими останками на краю будущего бассейна имени Гундерсона может быть решена быстро и в полном соответствии с законом. Но, похоже, начавшийся триместр уже сулит нам самые неожиданные вызовы судьбы. Я сунул руку в карман и нащупал там старый значок префекта школы «Король Генрих», ныне отмытый от грязи и даже вновь начавший блестеть, поскольку я то и дело его вынимал и рассматривал. Некая выпуклость, точно типографский знак пунктуации, ощущалась на его обратной стороне там, где была отломана застежка, и я задумчиво водил пальцем по этой выпуклости, размышляя о том, каким все-таки знаком она в итоге окажется: финальной точкой, многозначительной запятой или многоточием. Но все-таки нужно же что-то делать, думал я, ведь там погиб какой-то мальчик. Он, конечно, не из наших учеников, да и случилось это много лет назад, но разве может это влиять на наше отношение к его убийству?

Сегодня вечером у меня будет очередной разговор с Ла Бакфаст, и я скажу ей, что мы, каковы бы ни были последствия этого, обязаны оповестить власти. И все же мне хочется дослушать до конца ее историю. Мне хочется узнать, что происходило с моим другом Эриком Скунсом в тот год, когда он работал в школе «Король Генрих». Пока, правда, даже намек нет на то, что Скунс хотя бы подозревал о существовании этого мальчика. А может, я, как та пуганая ворона, начал уже и кустов бояться? Или теней прошлого? Или несомненное очарование Ла Бакфаст вывело меня на некую опасную дорожку? *Не зайдете ли вы в гости?* – сказал *мухе паучок*³³.

Нет. Что бы она мне там ни собиралась поведать, но сегодня вечером я с ней непременно поговорю. Непременно...

Или, может, завтра.

---

³³ «Will You Walk into My Parlour?» (в русск. переводе «Западня»), повесть Теодора Драйзера (1871–1945), в которой название и эпиграф взяты из стихотворения Мэри Хаунт «The Spider and The Fly» («Паук и Муха»).

Глава седьмая

«Сент-Освальдз», 6 сентября 2006 года

Что-то мой единственный слушатель сегодня выглядел обеспокоенным. Стрейтли я видела только мельком во время большой перемены: он торчал на игровых полях и явно старался не допустить детей на огороженную территорию. Его черная мантия так и хлопала на ветру, и вообще он был похож на печальную кладбищенскую ворону. Он уже пытался через моего секретаря договориться со мной об очередной встрече после занятий, но я к этому времени уже имела двухчасовую беседу со школьным Казначеем, а затем ко мне явились на совет старшие префекты, и я не сумела с уверенностью сказать, когда именно смогу освободиться. Однако Стрейтли остался меня ждать и прождал в коридоре никак не меньше часа, но потом все-таки сдался. Звук его тяжелых шагов отдавался в холле таким гулким эхом, словно к ногам у него было приковано ядро, как у каторжника.

Вообще-то в последнее время он выглядит неважно. Новые порядки в школе ему явно не по нутру. В своей старой черной мантии и перепачканном мелом костюме он похож на мертвый кусок старой кожи, который еще остался на быстро заживающей ране, но вскоре отвалится. Новые преподаватели мантии, разумеется, не носят. И даже представители старой гвардии – не много же их осталось – пытаются идти в ногу со временем. Один лишь Стрейтли упрямо цепляется за внешние атрибуты и методы былых лет. Интересно, как долго он рассчитывает удерживать приливную волну? По-моему, это совершенно безнадежное стремление. Хотя вчера он пришел на нашу с ним встречу ровно в пять тридцать, минута в минуту. Я моментально налила ему чашку кофе, а потом возобновила свой рассказ:

– В общем, начала я весьма неудачно, сама себя поставив в затруднительное положение. Мало того, я еще и унизила члена преподавательского состава школы. Мистер Скунс не принадлежал к тому типу людей, которые способны посмеяться над собственной ошибкой, и продолжал реагировать на меня примерно в том же духе, что и тогда в раздевалке, так что отношения между нами оставались весьма напряженными с первого же дня моей работы в «Короле Генрихе». Если бы нечто подобное случилось в «Сент-Освальдз», я бы уж как-то исхитрилась и почаще избегала встреч с ним, ибо в «Сент-Освальдз» отдельные классы похожи на острова, высящиеся в море мальчиков. А в школе «Король Генрих» все иначе, да и функционирует она согласно весьма строгим, почти военным правилам: например, каждое утро там начиналось с краткой летучки в учительской под руководством директора; существовала и вполне определенная формальная процедура для введения в курс дела новых членов коллектива.

Согласно правилам этой процедуры, не слишком удачно названной «дружескими беседами», любой новичок должен был в первую очередь обращаться за советом к тем преподавателям, которые в данный момент были свободны от классного руководства. Вы легко можете догадаться, что из этого вышло: я была новичком, а мистер Скунс классного руководства не имел, и, естественно, моим наставником оказался именно он. У него я должна была просить помощи, если у меня возникала какая-то проблема или мне был нужен совет. А также в случае любых жалоб я обязана была первым делом обратиться к Скунсу.

– Я вас понимаю, – сказал Стрейтли. – Нелегко вам, наверное, пришлось.

– Да уж, кому это и понимать, как не вам, – кивнула я. – Вы же с ним столько лет дружили. Только я-то во всем – абсолютно во всем! – от вас отличалась, молодая, неопытная женщина. Особенно его раздражала моя принадлежность к женскому полу. По-моему, выражение «старый холостяк» создано специально для Эрика Скунса. Хотя, разумеется, мне тогда и в голову не приходило интересоваться проблемой его сексуальных предпочтений. Я воспринимала его как своего уважаемого коллегу, и мне он казался уже почти стариком. В волосах у него всюю пробивалась седина. Да и его манера держаться была какой-то патриархальной; во всяком слу-

чае, в отношении меня он как бы колебался между снисхождением и прямым осуждением. И вообще он был каким-то негибким, словно застывшим, да и его педантичность, казалось, принадлежала прошлому веку. Как и все преподаватели той школы, он был неизменно облачен в магистерскую мантию, из-под которой виднелись угольного цвета строгий костюм и университетский галстук. Впоследствии я стала задумываться, уж не являются ли его поведение и манера одеваться попыткой замаскировать ощущение собственного весьма шаткого, реально шаткого, положения в столь привилегированной школе (университет-то он, в конце концов, оканчивал в Лидсе, а не в Оксфорде). И в то же время он по-прежнему казался мне человеком не просто неприятным, но и пугающим, каким-то даже чудовищным.

У меня, конечно, никакой академической мантии не было, хотя в «Короле Генрихе» она служила чем-то вроде пропуска или мандата. На утреннюю Ассамблею мантии надевали даже юные префекты; пользовались они мантиями и при выполнении некоторых своих административных обязанностей. А без мантии меня так и будут принимать за одного из учеников – или, что еще хуже, за школьную секретаршу, – ледяным тоном разъяснил мне Скунс в первую же нашу с ним «дружескую беседу» в учительской, пока учащиеся и большинство учителей участвовали в утренней Ассамблее.

Казалось, Скунс совершенно позабыл о том взрыве ярости, которую он обрушил на меня в раздевалке. И это в определенном смысле только повредило нашим отношениям: он, похоже, решил, что и я спущу все на тормозах и постараюсь забыть его оскорбления. Он просто заново представился мне – как всегда, сухо и торопливо, – словно мы еще и знакомы не были, пожал мне руку (один раз стиснув ее сухими пальцами) и принялся монотонно обстреливать меня рядами различных правил, считая это, по-видимому, официальным введением меня в должность.

– Работа в школе начинается в восемь утра с брифинга, который всегда проводит директор. Затем в восемь тридцать стандартная регистрация сотрудников. С восьми сорока до девяти Ассамблея. В течение этих двадцати минут я свободен, и ко мне можно обращаться с любыми вопросами или проблемами. Заведует нашей кафедрой доктор Синклер, но у него помимо административных обязанностей еще и классное руководство, так что со своими проблемами вам лучше обращаться именно ко мне. Каждую пятницу мы будем разбирать ваши успехи. Это, – и он вручил мне листок, напечатанный красным шрифтом, – ваше расписание. Я постараюсь по возможности присутствовать на ваших уроках, но, конечно, если мне позволит собственное расписание.

– Ох! – еле слышно вздохнула я.

Он тут же устался на меня своими водянистыми глазами. Глаза у Скунса почему-то всегда слезились, словно он только что чистил луковицу. Подозреваю, что ему следовало бы носить очки, а он не хотел, опасаясь, что коллеги воспримут это как слабость, а может, и осудят его. В результате он всегда как-то странно прищуривался – впрочем, так часто шурятся близорукие люди.

– Я полагаю, у вас *имеются* планы ваших уроков? – спросил он, и я тут же полезла в свой красный атташе-кейс, понимая, насколько по-детски выглядит этот портфель в его глазах, в его монохромном мужском мире. Планы своих будущих уроков я аккуратно записала в блокнотик, скрепленный спиральной пружиной.

– Ах, боже мой! – раздраженно заметил Скунс (это, надо сказать, было одним из его излюбленных восклицаний). – Разве вы не получили копию Книги?

Как оказалось, «Книга» – это всего лишь давно установленные кафедрой планы уроков, призванные обеспечить некий «бесшовный» переход учеников от одного преподавателя к другому и не дать всплыть на поверхность такой опасной вещи, как *индивидуальный стиль*. Эти планы были написаны и утверждены более десяти лет назад нынешним заведующим кафедрой, и основное внимание в них уделялось грамматике, орфографии и умению конспектировать. И,

разумеется, все эти планы еще до моего рождения были увязаны с требованиями попечительского совета Оксфорда и Кембриджа.

– Если бы вы прибыли к нам в *начале* учебного года, вам, естественно, была бы выдана собственная копия Книги. – Судя по обвиняющему тону Скунса, он и это считал непрости-тельной ошибкой с моей стороны. – Но ничего, во время летних каникул у вас как раз будет достаточно времени, чтобы хорошенько изучить ее содержание.

Затем он быстро пролистал мои – о, так тщательно составленные! – планы уроков (с ролевыми играми и прочими активными действиями, способствующими запоминанию языко-вого материала), тяжело вздохнул и вытащил из своего черного кожаного портфеля стянутую резинкой папку. Папка тоже была черная, и на ней красовалась надпись: КАФЕДРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ УРОКОВ.

– Это моя личная копия, – пояснил Скунс. – Так что пока можете ею пользоваться.

Я открыла папку. Там оказалась довольно толстая пачка листков с текстом, напечатанном на мимеографе той же пурпурной краской, что и на листке с расписанием занятий. Я сразу обратила внимание на то, что здесь по-прежнему в ходу тот учебник, которым пользовался еще мой брат: Уитмарш, «Начальный курс французского языка». Я хорошо помнила эту книгу в яркой, оранжево-черной обложке, над которой Конрад, тяжело вздыхая, провел немало вечеров.

Я тоже горестно вздохнула и, не очень-то представляя, что еще я могу сказать, пролепета-ла:

– Большое вам спасибо.

На дне черной папки я обнаружила потрепанный конверт с очередной пачкой листков, явно размноженных с помощью некой копировальной машины и тоже в красном цвете.

– Это личные планы преподавателей нашей кафедры, – пояснил Эрик Скунс. – Никакого фотокопирования без разрешения. Кстати, копировальная машина «Банда» находится у нас в учительской. Но приходить туда, чтобы на ней поработать, желательно пораньше.

О копировальных машинах я, конечно, уже слышала, но самой мне ими пользоваться никогда не доводилось. К тому же большая часть школ уже успела перейти к менее трудоемким способам копирования. Даже в школе «Саннибэнк Парк» в учительской стоял вполне современ-ный ксерокс.

– Я не уверена, что сумею управиться с такой машиной, – сказала я.

Скунс с отвращением фыркнул.

– Ну, так постарайтесь этому научиться! Это ведь в ваших же интересах, не правда ли? Ну, нам пора. Уже без пятнадцати. Уроки здесь начинаются вовремя.

Глава восьмая

Классическая школа для мальчиков «Король Генрих», 10 апреля 1989 года

Наша учительская находилась в Среднем коридоре, там же, где и языковые кафедры. Это было небольшое, казенного вида помещение с четырьмя столами, двумя креслами, телефоном на стене и с неким предметом в углу, который как раз и оказался множительной машиной «Банда», весьма примитивным устройством, металлический валик которого нужно было поворачивать ручкой. На подносе внизу лежали чистые листки бумаги. Сам механизм был защищен некой решеткой, как передок автомобиля, и в солнечном свете казалось, что «Банда» скалит зубы.

Это планы уроков преподавателей вашей кафедры, сказал мне Скунс, и я поняла, что эти тексты, напечатанные расплывающимися чернилами, мне следует размножить, а для этого их, видимо, нужно укрепить на валике «Банды», дабы она неким образом перенесла заданный текст на чистый лист бумаги. На пробу я выбрала план с пометкой «*четвертый младший*», прикрепила к валику и повернула ручку. Валик крутанулся, исходный текст вылетел из-под него и приземлился на пол, а новый отпечаток – смазанный и довольно бледный – вылез откуда-то изнутри. Расплывчатые буквы на нем были того же желчно-пурпурного цвета. Я сунула в машину второй листок, но на этот раз неудачно: его смяло и даже несколько изжевало кромкой валика. Поскольку это был чей-то чужой план, я принялась тщательно его разглаживать, а затем предприняла третью попытку, чувствуя острый характерный запах чернил, металла и растворителя.

Теперь ручка поворачивалась легко. Валик ритмично клацал, точно некая механическая игрушка. Отпечатанные листки машина выстреливала один за другим, и они как попало приземлялись на пол. Я наклонилась, стала их собирать и почти сразу обнаружила, что пальцы и ладони у меня от этой мерзкой краски тоже стали пурпурными.

– Черт побери! – озлилась я. В этот момент дверь отворилась, и в учительскую вошел седовласый мужчина в докторской мантии. На лице у него было отчетливо написано неодобрение, однако мой возглас он никак не прокомментировал. Я почувствовала, как щеки мои заливают жаркий румянец, а седой мужчина спокойно спросил:

– Вы, должно быть, мисс Прайс?

Я издала некий невнятный слабый писк и принялась собирать с пола рассыпанные листочки.

– Я – доктор Синклер, заведующий кафедрой французского языка. Скунсу следовало лучше подготовить вас к столь важному дню. Он должен был обеспечить вас копией Книги и прочими необходимыми материалами. – Он посмотрел на мои руки, перепачканные чернилами. – Я вижу, вам пришлось самостоятельно поработать на этой машине.

Я кивнула:

– Да. Благодарю вас, доктор Синклер. У меня уже все в порядке.

– Это хорошо. – Некоторое время он холодно меня рассматривал, потом заметил: – Но, боюсь, в нашей школе не имеется отдельных туалетов для дам. Вам, видимо, придется взять у секретаря школы ключ от неисправного туалета.

– Ничего страшного. Я так и сделаю, – сказала я.

– И еще одно. – Он снова осмотрел меня с головы до ног. – Видите ли, дамы в нашей школе брюк, как правило, не носят. У нас имеется вполне определенный дресс-код: офисный костюм для мужчин и деловой костюм с юбкой или строгое платье для дам.

– Ах, вот как, – сказала я, весьма этим заявлением ошарашенная. За свой новый брючный костюм я заплатила гораздо больше, чем обычно тратила на одежду для работы, полагая, что он-то как раз и подходит под понятие «деловой». Я собралась возражать, но было в Синклере

нечто, способное сразу смутить человека, хотя внешне он выглядел абсолютно спокойным. Возможно, на меня так действовала его мантия и весь его начальственный вид. Во всяком случае, демонстрация собственного превосходства явно давалась ему без труда. Он преподавал в «Короле Генрихе» больше тридцати лет и был практически частью самого этого старинного здания. Я попыталась представить себе, каково это – обладать подобным чувством уверенности в себе. Однако ощутила лишь комок в горле и подозрительное жжение в глазах.

А Синклер, словно не замечая, как изменилось выражение млего лица, продолжал нетопливо меня наставлять:

– Если у вас возникнут сложности при общении с учениками – любые сложности, – сразу же сообщите Скунсу. Он сам с мальчишками разберется. И вообще Скунс – парень очень неплохой. Свое дело знает. И подскажет вам, как в случае чего наказать провинившихся: оставить после уроков или как-то иначе.

– Надеюсь, что с учениками у меня никаких сложностей не возникнет, – строптиво заявила я.

Его взгляд, вежливо-недоверчивый, явственно свидетельствовал о том, что в его мире учительница – особенно такая молодая – неизбежно должна иметь сложности с учениками-мальчишками.

– Но если сложности все-таки возникнут, сразу же посоветуйтесь со Скунсом, – повторил он и быстро вышел, прошелестев подбитой алым мантией.

Я аккуратно сложила смятые листки. Руки у меня немного дрожали.

Я здесь чужая, думала я. Меня здесь не примут. И что вообще, скажите на милость, заставило меня думать, что я смогу преподавать в такой школе?

Я вспоминала длинные списки школьных правил, собранные в черной папке Скунса; Синклера в роскошной докторской мантии; зловредную машину «Банда» со скалящейся решеткой; а еще то, каким тоном Скунс говорил о других преподавателях. И мысли об этом вызвали одно далекое воспоминание: голос Конрада, словно донесшийся до меня сквозь все эти годы, и черный дым, уносимый ветром.

«Французский у нас преподает доктор Синклер. – Голос Конрада теперь, казалось, звучал совсем близко. – Он ужасно строгий, но вообще-то ничего. А классические языки – наш Капеллан, мистер Фаррелли. Мы его еще Регбистом прозвали. Мисс Маклауд помимо английского еще и занятия по драматическому искусству ведет. Она даже немного на Дайану Ригг похожа».

В четыре года я понятия не имела ни о существовании Дайаны Ригг, ни о том, как выглядит эта британская актриса. Зато я хорошо запомнила, как неприязненно звучал голос моего брата. Значит, Конрад хорошо знал Синклера? Как странно, что я об этом забыла. Интересно, сколько еще неожиданных воспоминаний сможет пробудиться в моей памяти в течение ближайших двух недель? Какие давно похороненные мысли и образы в ней всплывут?

Ничего, думала я, мне ведь всего три месяца нужно продержаться. Всего три месяца – и снова можно будет дышать свободно. Всего три месяца – и начнутся долгие летние каникулы, вполне достаточно времени, чтобы...

Чтобы ЧТО сделать? Чтобы к ЧЕМУ подготовиться?

Чтобы сбежать?

Мои судорожные размышления прервал школьный звонок, возвещавший начало занятий, и я сразу вспомнила, как тогда, пятилетняя, ждала Конрада, устроившись в полоске солнечного света на полу в раздевалке возле его шкафчика. Я взяла портфель, сунула в него только что отпечатанные листки с планами уроков и вышла в коридор, где звонок гремел прямо-таки оглушительно. В общем-то примитивное устройство – колокольчик с язычком, приводимым в действие электронным механизмом, – но звон у него был просто безжалостный. Мальчики уже строились у дверей своих классов, но некоторые, вроде бы уже привыкшие к школьным звон-

кам, все-таки зажимали уши руками. Наконец звон прекратился, и я направилась в Средний коридор в класс L14 на свой первый урок французского языка в «старший четвертый» класс.

Сперва я, естественно, прошла мимо своего класса, решив, что мальчики, выстроившиеся в коридоре перед дверью, какие-то слишком маленькие – ведь им должно было быть лет по тринадцать-четырнадцать. Затем, проверив содержимое черной папки, поняла, что в «Короле Генрихе» «старший четвертый» класс – это в обычной школе третий. Еще одна эксцентрическая особенность, сердито подумала я. Вроде ношения академических мантий. А все для того, чтобы любой аутсайдер сразу почувствовал себя здесь неловко!

Мальчики продолжали спокойно стоять, выстроившись слева от двери в класс. Пожалуй, слишком спокойно. У подростков подобное спокойствие чаще всего связано с неуверенностью. Но стоит им почувствовать, что опасность миновала, и запросто могут начаться безобразия. Тут самое главное – поскорее выявить основных нарушителей спокойствия и постараться их обезвредить.

Пропустив учеников в класс, я последовала за ними, насчитав тридцать одного человека. Их имена и фамилии я почерпнула из списка в черной папке. Помещение класса было небольшим и имело форму буквы «L». В окна, смотревшие на восток, лился золотистый солнечный свет, в нем плясали пылинки. Учительский стол, воздвигнутый на некое странное возвышение, был повернут лицом к классу. Над дверью висели классный звонок и старомодный адвент-календарь³⁴. Шесть парт в каждом ряду, и только самые задние были как бы сдвинуты дальше в угол, образованный «хвостиком» буквы «L». В этом углу я заметила светловолосого мальчика со значком префекта и сразу же решила обратить на него особое внимание. Последний ряд – это традиционно вотчина нарушителей спокойствия, а этот мальчик даже с виду выглядел настоящим наглецом; какая-то чуть клоунская повадка и постоянная усмешка на лице, словно предполагавшая безудержное внутреннее веселье, как раз, на мой взгляд, и свидетельствовали о том, что этот блондин вполне может оказаться здешним заводилой.

Мальчики продолжали стоять, пока я осматривала класс – еще одна традиция школы «Король Генрих», – и я поспешила сказать:

– Садитесь, садитесь, пожалуйста. Меня зовут мисс Прайс. Уроки французского теперь у вас буду вести я.

Светловолосый парнишка на задней парте тут же прокомментировал:

– «Асда Прайс»³⁵.

Мальчишки зашептались, захихикали. Я так и знала, что от этого блондина надо ждать неприятностей. Его волосы в утреннем свете казались какими-то ослепительно-светлыми, почти белыми. Но лицо его я толком рассмотреть не сумела, как ни старалась: солнце словно обесцветило его черты, сделало их расплывчатыми, и весь он был похож скорее на собственное отражение в листе фольги.

– Вы наша новая учительница, мисс? – спросил один мальчик. – Вы будете постоянно у нас в школе работать или только временно, на замену?

А второй, не дав мне ответить, тут же задал свой вопрос:

– Вы на какой машине ездите?

– На «Мини», – со смехом ответил ему кто-то третий.

Я решила прекратить все эти ненужные разговоры и сказала:

– Мне нужно запомнить ваши имена. Пожалуйста, напишите свое имя на листочке и положите его на край парты. – Я раздала им листки бумаги. Пока я ходила между рядами,

---

³⁴ Согласно европейской традиции, адвент-календари помогают детям готовиться к Рождеству. 1 декабря малышам вручают красивые картонные коробки с окошками, в которых лежат сладкие подарки. Каждый день ребенок открывает по одному окошку вплоть до 24 декабря, а на Рождество получает уже настоящий подарок от родителей.

³⁵ «Асда» – сеть недорогих британских супермаркетов. Здесь это выражение, по всей видимости, используется как прозвище типа «дешевка», «недорого стоит».

мальчишки, разумеется, тут же ухватились за возможность поболтать, и в классе стало шумно. Я чувствовала, что лицо мое покрывает жаркий румянец; надо сказать, что в классе, несмотря на ранний час, и впрямь было душно.

– И никаких разговоров, – строго сказала я. – Пишите, пожалуйста. – Шум немного утих. И только светловолосый мальчик на задней парте меня словно не слышал. Ухмыльнувшись, он тут же принялся складывать из полученного листка самолетик. Я грозно на него посмотрела и предупредила: – Даже не думай. У себя на уроках я ничего подобного не потерплю.

Но его ухмылка стала только шире, а ребята на соседних партах вновь принялись всюду разговаривать друг с другом. Некоторые уже успели что-то нарисовать на тех листках, где должны были написать свое имя. Еще пара минут, и мне окончательно будет с ними не справиться.

– Так, мальчик на задней парте! Встань! Как твоя фамилия? – сказала я, глядя прямо на того блондина и чувствуя, каким ломким вдруг стал мой голос.

Но откликнулся почему-то не он, а мальчик, сидевший непосредственно перед ним. Вскинув на меня глаза, он с готовностью сообщил:

– Персиммон, мисс.

– Я не тебя спрашиваю. – Я уже с трудом сдерживалась.

Персиммон изобразил страшное смущение. У него было широкое лицо прирожденного комика и привычка сидеть вразвалку, точно ленивый тюлень на плоской скале. Зато блондин ничуть не смутился и спокойно встретил мой взгляд, продолжая победоносно ухмыляться.

– Ну, хорошо. Попробуем еще раз. – Я очень старалась говорить уверенно. – Итак, все быстро встали. И молча, молча. – Класс довольно-таки шумно поднялся. Мальчишки переглядывались и понимающе улыбались друг другу. – Ничего, я подожду, пока вы не успокоитесь, – сказала я. Этот прием очень неплохо работал в «Саннибэнк Парк». Но в «Саннибэнк Парк» я всегда *чувствовала себя учительницей*. А здесь меня явно воспринимали как кого-то другого. Как «дешевку», которая ездит на «Мини», а не на «Ягуаре» или хотя бы на «Ауди». Как некую *молодую особу*, которая не знает даже, что на утреннюю Ассамблею преподаватели обязаны облачаться в академические мантии, а преподавательницы должны носить «деловой костюм с юбкой или платьем».

– Да уж, действительно «Асда Прайс», – пробурчал Персиммон и выразительно похлопал себя по заднему карману брюк, в точности как женщина в рекламном ролике.

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Да, мисс Прайс», – и Персиммон снова с самым невинным видом похлопал себя по заднему карману, где обычно носят кошелёк с деньгами. Мальчишки по обе стороны от него, не скрываясь, улыбались во весь рот. А тот блондин с задней парты подпрыгивал и приплясывал, точно дирижер безумного оркестра.

– Да, мисс Прайс! – повторил и весь остальной класс, и мальчишки в унисон захлопали себя по задним карманам. По классу отчетливо прокатилась волна смеха, вскоре превратившаяся в шумный и мощный прибой.

Блондин со значком префекта и вовсе чуть на пол не падал в пароксизме веселья, пополам сгибаясь от хохота. В его повадке было что-то странно знакомое, но солнце слепило меня, светя слишком ярко, и я никак не могла как следует разглядеть его лицо; однако его смех и улыбка будили в моей душе некую глубинную тревогу.

– Ты, на задней парте... немедленно это прекрати! И, пожалуйста, *сядь!* – Голос мой звучал куда более резко, чем мне хотелось; мало того, он звучал так, словно я вот-вот расплачусь.

Класс неожиданно притих, но отнюдь не из-за моих слов. Я обернулась и увидела, что стеклянная дверь класса распахнута, а в дверном проеме стоит Эрик Скунс.

– Что здесь, черт побери, происходит? – Его трубный глас звучал столь же гневно, как тогда в раздевалке.

Стоило ему появиться на пороге, и мальчишки словно одеревенели, безмолвные и похожие на игрушечных солдатиков.

А Скунс продолжал:

– Этот шум я отлично слышал даже у себя в классе, за закрытыми дверями!

Дети молчали. Головы опущены, словно это могло сделать их невидимками. И я поспешила вмешаться:

– Спасибо, но я и сама справлюсь.

Скунс на мои слова даже внимания не обратил.

– Если из этого класса донесется еще хотя бы один громкий звук, – сказал он, – вы *все* останетесь в классе и на большую перемену, и после уроков. Ясно вам?

– Да, сэр.

– Я не расслышал! – рявкнул Скунс.

– *Да, сэр!!!*

– Так что постарайтесь. – И Скунс удалился, так и не сказав мне ни слова и ничем не показав, что вообще заметил мое присутствие. Некоторое время я тоже стояла и молчала, отчетливо ощущая, как моя растерянность сменяется невыразимой, бешеной яростью. *Да как он смеет, этот Скунс! Как он смеет!* В классе по-прежнему стояла мертвая тишина; мальчишки явно ожидали каких-то действий с моей стороны, и я, опомнившись, велела им:

– Да садитесь вы, ради бога! – И лишь после этого я вновь посмотрела на залитый солнцем последний ряд парт, пытаясь отыскать глазами того возмутителя спокойствия...

Увы, тщетно. Только тут я поняла сразу две вещи: во-первых, этот светловолосый мальчик показался таким невероятно знакомым, потому что был практически точной копией моего брата в четырнадцать лет; а во-вторых, где-то между той моей вспышкой гнева и вмешательством Эрика загадочный ученик со значком prefecta школы, сидевший на самой задней парте, неким невероятным образом исчез – словно в воздухе растворился.

Глава девятая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 7 сентября 2006 года

Уже три дня, как начался новый триместр, а от Ла Бакфаст по-прежнему никаких известий о той страшной находке. Я уже устал от бесконечных мыслей о человеческих останках, превратившихся в грязный комок; эти мысли раздражают меня, как зуд в каком-нибудь недосыгаемом месте; я стал рассеянным, раздражительным, каждое мгновение моей жизни окрашено воспоминаниями о том, что я видел на берегу затопленного котлована. Я заметил, что выискиваю любой повод, чтобы пройти мимо этой проклятой стройки. Например, убедил себя, что от Калитки Привратника до моей Колокольни ближе, чем от главных ворот, и пользуюсь этим для оправдания своей ежедневной прогулки мимо Дома Гундерсона.

Сегодня утром я заметил, что останки прикрыты куском оранжевого брезента. Означает ли это, что в полицию все-таки сообщили? И, может быть, теперь место предполагаемого преступления как-то охраняется? Это, безусловно, имело бы смысл. Вот только пока что я ни разу не видел и не слышал, чтобы на территории школы появлялась полиция. Впрочем, Ла Бакфаст могла, конечно, попросить их вести себя особенно осторожно и незаметно, поскольку школа и так переживает весьма сложный период.

Мне все-таки удалось перехватить ее сегодня утром, хотя беседа наша и была очень краткой, а мне так хотелось хорошенько с ней объясниться. В первую неделю нового учебного года директор школы всегда испытывает особую нагрузку – а тут еще следовало учесть, сколько различных перемен Ла Бакфаст успела внести в работу школы за время летних каникул, сменив Харрингтона на посту директора. Я сумел провести с ней наедине не более пяти минут, заскочив к ней в кабинет сразу после утренней Ассамблеи, и сразу же задал ей прямой вопрос о том, что было предпринято. Однако ответила она по-прежнему уклончиво.

– Мистер Стрейтли, – сказала она, – вам известно, как обычно поступает строительный рабочий, обнаружив во время экскаваторных работ человеческие останки?

– Полагаю, сообщает в полицию, а уж они перекрывают доступ к этому месту, – сказал я.

Она только улыбнулась. Потом встала, налила себе кофе из этой своей машины и спросила:

– Хотите чашечку?

Я только головой покачал:

– Нет, госпожа директор, спасибо. Я хочу только получить ответы на свои вопросы.

– В девяти случаях из десяти, – сказала она, – строительный рабочий сделает вид, что ничего не заметил и попросту зароет бульдозером все то, что случайно вывернул на поверхность земли. А почему? Да потому, что в ином случае это повлечет за собой остановку *всех работ*, и это продлится несколько месяцев, а то и дольше. Значит, строительная компания подведет заказчика. А вся команда строителей останется без работы и без зарплаты. Да еще и арендованную технику придется вернуть, а также уплатить неустойку. Все это огромные расходы, а в худшем случае за этим последует расторжение контракта. Тогда как в нашей стране еще немало человеческих останков по-прежнему скрывается под верхним слоем земли. И некоторые лежат там с давних пор. Например, с тех времен, когда в Молбри еще существовали угольные шахты. Вам ведь известно, что некогда подо всей территорией нашего города и его окрестностей залегал мощный угольный пласт?

– Да, конечно. Мальчишками мы часто ходили смотреть, как копают шахты.

Она улыбнулась:

– Вы с Эриком?

– Да, – сказал я.

– Тогда вы, в общем, понимаете, что длительное полицейское расследование на территории школы, связанное со столькими трудностями и неудобствами, может в итоге привести к тому, что ваша находка окажется чьими-то древними останками, никак не связанными с исчезновением Конрада.

– Но ведь вам-то самой так не кажется? – сказал я.

Она пожала плечами:

– Да, пожалуй. Но это вполне возможно. А если мы действительно известим полицию, то они будут обязаны потянуть за каждую возможную ниточку, включая и те, что способны нанести репутации школы еще больший ущерб.

– Ну что ж, нам и раньше доводилось переживать сильные штормы, – сказал я. – И последние два года это доказывают.

– Только события последних двух лет школе слишком дорого обошлись, – возразила она. – И прошлогодняя история – особенно потеря нового директора в самый критический момент – стала последней соломинкой. Родителям нужны гарантии. Они хотят быть уверены, что все наши прежние злоключения закончились. И закончились навсегда. Родители стремились к радикальным переменам – к появлению в школе девочек, к строительству новых школьных зданий, к замене старых, отработавших свое, преподавателей новыми.

– Ну, это все *ваши* идеи! – язвительно заметил я.

Она снова улыбнулась:

– Ох, Рой! Вы же прекрасно понимаете, что тут нет ничего личного. Как прекрасно – ничуть не хуже меня – понимаете и то, что родители отдают в нашу школу своих детей вовсе не для того, чтобы они здесь выучили латынь. Они посылают их сюда ради собственного спокойствия. И ради новых возможностей для них. Ради таких приятных вещей, как, например, занятия спортом, заграничные поездки, участие в работе собственного театрального клуба...

– В общем, «*Прогресс через традиции*», – процитировал я новый школьный лозунг.

– По-моему, некоторые традиции лучше было бы навсегда оставить в прошлом, – сказала она. – В общем, если где-нибудь все же просочится хотя бы словечко о том, что на территории школы найдены человеческие останки, то все, что я уже успела сделать, дабы дистанцироваться от прискорбных событий прошлого, поглотит новая мощная волна скандалов и спекуляций.

– Если вы просите меня солгать моим мальчикам...

– Ох, да перестаньте важничать, Рой! Неужели вы никогда ничего от ваших мальчиков не скрывали? Неужели рассказали им, что ваш друг Эрик Скунс был педофилом?

Ну, вот она и до этого добралась, сказал я себе. А ведь меня чуть не обманул ее спокойный голос и этот легкий намек на уязвимость. Зря я надеялся. Ла Бакфаст сделана из закаленной стали, весьма хитроумно укрытой нежным мехом ягненка.

– А я и сам до конца не уверен, что он им действительно был, – сказал я. – И вообще, я только в прошлом году...

– Однако вы с ним дружили с раннего детства. И если эта история получит огласку, неужели хоть кто-то поверит, Рой, что вы действительно ничего не знали?

Где-то на уровне третьей пуговицы жилета у меня опять возникло уже знакомое неприятное стеснение в груди. Прошрое – это злой волшебник, букет за букетом извлекающий из своей шляпы фокусника отравленные цветы. Но что же все-таки Ла Бакфаст пытается мне сказать? Неужели она полагает, что Эрик Скунс мог быть виновен в смерти Конрада Прайса? А значит, и я – просто по ассоциации – могу оказаться под подозрением?

– Имейте терпение, Рой, – между тем продолжала она, – и просто позвольте мне рассказать вам эту историю до конца. А если и после этого вы все же сочтете нужным сообщить о вашей находке властям... – она пожала плечами, – что ж, я ваше мнение уважаю. Но подождите; пусть сперва у вас будет достаточно фактов. И, разумеется, – она мимолетно, одними губами,

мне улыбнулась, – если вы все же вознамеритесь принять решение в одностороннем порядке, то вряд ли я впредь смогу считать вас человеком, достойным моего доверия.

Интересно, как ей это удастся? Просто гипноз какой-то! Она даже голоса не повышает, и все же в ней чувствуется некий непоколебимый авторитет. Даже я, привыкший к традиционному типу директора школы – мужчине в докторской мантии с грубовато-ободряющей, несколько нагловатой, а то и откровенно наглой манерой поведения, – был вынужден с изумлением признать, что *именно ей* удалось до такой степени и совершенно неожиданно парализовать мою волю.

Нет, я, конечно, понимаю, что бесконечно этот необычный паралич продолжаться не может. Человеческими останками – если это действительно человеческие останки – должны заниматься соответствующие органы. Но в определенном смысле Ла Бакфаст права. Начавшееся полицейское расследование вновь заставит открыться те старые раны, которые только-только начали заживать. Снова всплывет та история с Гарри Кларком, а вместе с ней и новый набор слухов. Откуда, между прочим, Ла Бакфаст знает о том, *кем* был Эрик? Уж не от Джонни ли Харрингтона, того мальчика, который чуть не уничтожил нашу школу, и всего лишь для того, чтобы впоследствии вернуться в качестве ее директора? А может, она была свидетельницей некоего прискорбного инцидента, когда вместе с Эриком работала в «Короле Генрихе»?

Я сказал Ла Бакфаст, что ничего не знал о склонностях моего старого друга. Я и впрямь лишь в прошлом году начал что-то подозревать – после того, как обнаружил злополучное письмо Дэвида Спайкли. Но сейчас мне уже кажется, что я все-таки о чем-то догадывался и просто старался не обращать на это внимания – так человек порой игнорирует появление подозрительной, но бессимптомной родинки или припухлости. Но ведь какие-то неприятные ощущения у меня были. Например, меня раздражала замкнутость Эрика. И его постоянный и упрямый отказ взять классное руководство. И меня весьма неприятно удивил его слишком быстрый уход – практически бегство – из «Сент-Освальдз» почти сразу после суда над Гарри Кларком. А потом, в 1989 году, он столь же стремительно покинул школу «Король Генрих». Разве я никогда не задавал себе вопросов, связанных со всеми этими странностями? А может, я просто старался ни о чем таком не задумываться, позволяя этим его странностям как бы оставаться вне зоны моего внимания из страха узнать реальный диагноз? *Не думаю*, что я настоящему в чем-то подозревал Эрика. Вряд ли. Но когда мне пришлось прочесть то страшное, адресованное ему, письмо, я, помнится, особого удивления не испытал; меня скорее охватило леденящее чувство утраты. И одиночества. И предательства. Неужели я все это время *сам себя* обманывал? И вот что гораздо хуже: если история Эрика всплывет на поверхность, никто ведь не поверит, что я *действительно* долгое время ничего не знал.

Глава десятая

Классическая школа для мальчиков «Король Генрих», 10 апреля 1989 года

Я изо всех сил старалась сохранить в памяти образ того светловолосого мальчика и все то, что было с ним связано, хотя до конца школьного дня было еще далеко. Еще один урок; большая перемена на ланч; затем еще два урока, а между ними один свободный... Дотянув до свободного урока, я осталась в пустом классе, который только что покинули ученики 4S, и попыталась хоть как-то осознать то, что видела на первом уроке.

А что, если я попросту его *вообразила*, того светловолосого мальчика? Что, если нервное напряжение, пережитый стресс и желание наконец-то изгнать из памяти образ Конрада в итоге вылились в полноценную галлюцинацию? Что, если это была всего лишь чья-то отвратительная шутка, а сам мальчишка сумел как-то спрятаться или даже ухитрился улизнуть во время налета, учиненного Скусом?

Чтобы успокоиться, я попыталась ознакомиться хотя бы с частью содержимого черной папки, но мне казалось, что ни одно предложение не имеет смысла. Я не понимала ни слова и не могла сосредоточиться даже на несколько секунд. *Порядок ношения рубашек с короткими или длинными рукавами должен быть объявлен директором во время утренней Ассамблеи. Мальчики-евреи под руководством рабби Голдмена должны собираться в классе 3L каждые две недели по вторникам. Для экономии места ученики младших классов во время утренних Ассамблей будут садиться на пол. Посещение Часовни по пятницам является обязательным для всех сотрудников школы.*

Кем бы – чем бы – ни был тот светловолосый мальчик, его лицо то и дело всплывало передо мной, и теперь оно, несомненно, окончательно превратилось в лицо Конрада; именно того Конрада, каким я его помнила; того Конрада, который нашептывал мне на ухо: *Он все знает. Он непременно за тобой придет.*

Я захлопнула папку. В горле у меня пересохло. Мне страшно хотелось выпить воды, но идти в учительскую я не рискнула – боялась наткнуться на Скуна или доктора Синклера. Спускаться вниз и просить у секретаря школы ключ от сломанного туалета мне тоже не хотелось. И я решила подняться в Верхний коридор, где был туалет для учеников старших классов, стараясь действовать как можно осторожней. Я понимала, конечно, что веду себя глупо, но уговаривала себя, что вряд ли виновата в том, что в этой школе нет никаких удобств для женщин, и потом, все мальчики сейчас на занятиях, никто и не заметит, как я вхожу в мужской туалет. И все же меня не покидало ощущение, что это я поступила неправильно, что женщина не должна находиться в помещении, предназначенном исключительно для мужчин, что я нарушаю некое социальное табу, с раннего возраста по капле вливаемое в сознание девочек.

Туалет был оформлен аскетически, вполне в духе школы. Белая кафельная плитка на стенах; стальные зеркала; писсуары; кабинки с дверцами, выкрашенными черной краской. Я заметила, что в кабинках расстояние от пола до нижнего края дверцы необычно широкое; под дверь можно было заглянуть, даже не особенно нагибаясь. Окна в туалете не было; искусственное освещение, впрочем, было достаточно мощным, но казалось каким-то странно грязноватым – такой свет порой льется с неба в сумрачный день. Из неисправного крана в щербатую керамическую раковину непрерывно текла струйка холодной воды.

Я подошла к раковине, выключила воду, и вокруг разлилась странная тишина, а из сливного отверстия послышалось какое-то зловещее бульканье. Конрад часто повторял, пугая меня, что мистер Смолфейс живет в водопроводных трубах. Но теперь-то я стала взрослой и знала, что почем. И больше никаких голосов из сливных отверстий не слышала. И уже не испытывала потребности тщательно закрывать на ночь крышку унитаза и чем-то сверху ее придавливать. Однако эти звуки вновь пробудили в моей душе легкую тревогу. Они, казалось, говорили: *Тебе*

не полагается здесь находиться. Ты же не маленькая девочка, которая шныряет по таким местам, где даже появляться не должна. Так что если ты исчезнешь, об этом никто не узнает. И никого твое исчезновение не встревожит.

Мне показалось, что я вновь слышу некий голос, который когда-то, много лет назад, был так хорошо мне знаком. Тогда я считала, что это голос *мистера Смолфейса*, но теперь мне было ясно, что это голос моего одинокого детства; голос той пустоты в моей жизни, что имела форму Конрада; голос моих родителей, которые меня практически не замечали после того, как исчез мой брат. Да, это был он, голос моего детского одиночества и страха, которые приняли форму того жуткого пугала, того кошмарного существа, что нагло проникло в мою реальную жизнь после гибели Конрада. Только я больше уже не была той испуганной девочкой. Я выросла, выжила. Я научилась жить самостоятельно. Я больше не чувствовала себя сломленной.

Я наклонилась к сливному отверстию раковины, заглянула туда, и мне показалось, что оттуда тоже кто-то, не мигая, на меня смотрит. Металлическая перемычка в глубине отверстия была странно похожа на глаз ухмыляющегося козла. *Думаешь, тебе удалось от меня сбежать, Бекс?* – прозвучал в моих ушах знакомый тихий шепот. Или мне это померещилось? – *Зря ты надеешься, что от мистера Смолфейса можно спастись!*

– Но мне действительно удалось от него сбежать! – громко сказала я. – Он мертв. Он умер давным-давно.

Сливное отверстие что-то негромко пробулькало в ответ – так бурчит в животе у голодного ребенка. Я снова наклонилась над раковиной и тихо прошептала:

– Я тебя больше не боюсь. Я теперь взрослая женщина. У меня есть дом. У меня есть дочь, и моя дочь хорошо знает, что я ее никому в обиду не дам, что со мной она в безопасности, что я очень ее люблю...

Во мраке водопроводной трубы что-то заклокотало, и сливное отверстие смачно рыгнуло, обдав меня мерзким запахом гнилых фруктов, а затем выплонуло целый фонтан затхлой воды прямо мне в лицо, залив мою белую шелковую рубашку.

Я испуганно отпрянула.

И заметила, что сливное отверстие опять смотрит на меня и криво усмехается, а на моей новой белоснежной рубашке расплываются не просто пятна от грязной воды, а кровавые брызги, яркие и страшные, как на бойне...

Инстинктивно отступив от раковины еще на шаг, я поскользнулась в своих туфлях на высоких каблуках и вдруг в стальном зеркале увидела себя – привидение с открытым ртом, все покрытое кровавыми пятнами. Труба перестала булькать, и в наступившей тишине слышалось только мое неровное дыхание. В воздухе вокруг меня точно живые шевелились изломанные полосы этого странного, даже какого-то болезненного, искусственного света. На какой-то миг я словно оцепенела; глаза слепили жгучие слезы, как если бы мне дали пощечину. И тут из сливного отверстия донесся еще один, последний, звук; совсем тихий и как бы заикающийся, и это вполне могло быть знакомым мне словом...

Бекс.

И все же я как-то умудрилась не только не закричать – чем была особенно горда, – но и хорошо все запомнить. Меньше всего мне хотелось, чтобы Скунс – или, что еще хуже, кто-то из мальчишек – увидел меня здесь, бьющуюся в истерику и с головы до ног покрытую кровью. Я закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти, заставляя себя дышать глубоко и ровно. *Медленно, медленно, медленно* я снова открыла глаза.

И увидела, что кровь уже почти высохла; на шелковой блузке остались лишь непонятные ржаво-красные пятна. Я содрала с себя блузку, швырнула ее на плиточный пол и надела жакет поверх бюстгальтера прямо на голое тело. Ничего, думала я, если застегнуть жакет на все пуговицы, то будет вполне прилично. Значит, обойдусь и без рубашки. Затем я снова подошла к раковине, выудила из мыльницы толстый кусок зеленого мыла, включила теплую воду

и старательно смыла кровь с лица и рук, то и дело их ополаскивая. Водопроводная труба все это время вела себя тихо и скромно. Никаких плевков кровью; никакого гневного клокотанья; никакого зловещего шепота. Я смыла с краев раковины жутковатое кольцо мыльной пены и, отступив от нее, посмотрелась в зеркало, где маячило мое бледное отражение. Без привычной косметики я выглядела какой-то уж очень юной.

– Нет никакого мистера Смолфейса! – решительно заявила я.

Молчание было мне ответом.

– Вот только попробуй снова вернуться! – пригрозила я. – *Только попробуй*, черт тебя подери!

И снова тишина. Ни гуденья, ни хлопанья.

– Я же была уверена, что ты больше не вернешься, – тихо прибавила я, наклонилась и подобрала с пола свою испачканную рубашку.

Сунув ее комком в карман жакета, я повернулась к двери – и тут у меня за спиной в одной из кабинок кто-то с шумом спустил в унитазе воду.

Щель под дверцами кабинок была такой широкой, что вряд ли кому-то удалось бы скрыть свое присутствие; разве что встать на сиденье... *А что, если* какой-то мальчишка действительно там прятался? И я моментально представила себе, как все тот же светловолосый наглец с нашивкой префекта с ногами взобрался на сиденье, присел там, словно ворона на краю мусорного бачка, и усмехается.

Да нет же, чушь какая! Никакого мальчика там нет и не было. Это всего лишь то, что я *заранее ожидала* там увидеть; обратный кадр, взгляд в прошлое. И вызвано все стрессом, который я испытала, после стольких лет вновь оказавшись здесь. Ничего удивительного, что водопровод в «Короле Генрихе» ведет себя так шумно – этому дому все-таки триста лет! Бог знает, в каком состоянии эти трубы, сколько всякой дряни в них скопилось. И те красные пятна на моей рубашке – обыкновенная ржавчина. А во всем остальном виновато мое разыгравшееся воображение.

Из *той же* туалетной кабинки донесся тихий шорох, затем легкий стук – такие звуки вполне мог произвести спрятавшийся там мальчишка, если он, например, спрыгнул с сиденья на пол или прислонился к запертой двери. А впрочем, эти звуки могли и вовсе ничего не значить.

Я вышла из туалета в коридор буквально за секунду до того, как школьный звонок возвестил перерыв на ланч. Мне как раз хватило времени добежать до своего пока еще пустого класса и спрятать обезображенную блузку в атташе-кейс. Затем, подхватив кейс, я направилась в сторону учительской. На верхней площадке лестницы торчал какой-то молодой преподаватель, видимо, дежурный, и я, проходя мимо и подняв глаза, заметила, как он, свесившись через перила, оценивающе меня разглядывает. Вероятно, сверху ему удалось узреть красивую ложбинку у меня между грудями – ведь рубашки-то на мне теперь не было, – и он с удовольствием полюбовался бы чем-нибудь еще.

– Наслаждаешься видом, дрянь ползучая? – прошипела я, глядя прямо на него, с такой злобой, что этот тип – он был высокий, лет тридцати пяти, с хитрыми глазами и большими вислыми усами – поспешно отступил за балюстраду. Мальчишки на лестнице посмотрели на меня с изумлением и невольным уважением. Среди них я узнала двоих из того же класса 4S, в котором утром провела свой первый урок, – Персиммона и еще одного, похожего на очкастую мышь с детской челкой; очки у него сидели как-то кривовато.

При виде этих ребят у меня тут же возникло желание проверить себя. Я остановилась и обратилась к Персиммону:

– Твоя фамилия Персиммон, верно?

– Да, мисс.

– А как фамилия префекта вашего класса?

– Но у нас еще нет префекта, – удивился Персиммон. – Префектов вообще назначают только из старшеклассников, начиная с шестого.

– Значит... ты не видел, что сегодня у нас на уроке присутствовал некий мальчик со значком префекта?

Персиммон вытаращил глаза:

– Нет, мисс. По-моему, я никого такого не видел.

Я кивнула, испытывая некоторое облегчение:

– Ну, хорошо. Спасибо, Персиммон. До завтра.

– До завтра, мисс.

Вернувшись домой, я еще с порога заметила, что Доминик с кем-то разговаривает по телефону в гостиной. Он, правда, почти сразу повесил трубку, но мне все же хватило и этих нескольких секунд. Я стремглав бросилась наверх и моментально переоделась в джинсы и пуловер: мне совсем не хотелось объяснять, почему я прямо в школе была вынуждена снять с себя рубашку. Я вытащила рубашку из атташе-кейса и ринулась вниз, рассчитывая, что успею сунуть ее в стирку и Доминик так и не увидит на ней тех страшных ржаво-красных потеков, однако налетела на него, когда он поднимался по лестнице.

– Эй, привет, – улыбнулся он. – Ну, и как у тебя первый день прошел?

– Отлично. – Я тоже улыбнулась и поцеловала его, стараясь, чтобы грязный комок у меня в руках не попался ему на глаза. – С кем это ты только что разговаривал?

– Всего лишь с моей сестрицей Викторией. Она передает тебе пламенный привет. – Он посмотрел вниз и, разумеется, сразу все заметил. – А это что такое?

– Всего лишь грязная блузка.

Доминик нахмурился:

– Но ведь она же только для сухой чистки годится, по-моему? погоди, дай-ка я взгляну. – Он взял у меня из рук смятую рубашку и стал рассматривать ярлык. А я, онемев от ужаса, ждала, что сейчас он заметит пятна, оставленные той ярко-красной дрянью, что брызнула мне в лицо из сливного отверстия в раковине, и тщетно пыталась придумать какое-нибудь подходящее оправдание – это вышло абсолютно случайно, просто мальчишки подрались, а я споткнулась, упала, и у меня кровь из носа пошла... Мне казалось, что любая ложь будет лучше, чем рассказ о голосе из водопроводной трубы и светловолосом мальчишке, который был так похож на моего брата, а потом загадочным образом исчез.

– Нам бы следовало пригласить твою сестру в гости. Но лучше как-нибудь потом, – с притворным энтузиазмом предложила я. На самом деле я весьма нервно воспринимала наши встречи с сестрами Доминика – нас познакомили на одной новогодней вечеринке в Молбри, где я весь вечер чувствовала себя на редкость неловкой, застенчивой и явно производила не самое лучшее впечатление.

Доминик на мои слова внимания не обратил.

– Так, что тут у нас такое...

У меня моментально пересохло во рту.

Но Доминик все еще что-то читал на ярлыке рубашки.

– Нет, тут сказано, что ее вполне можно стирать в холодной воде. – Он вернул мне рубашку и прибавил: – Только нельзя пользоваться отбеливателями на биологической основе. Лучше всего просто простирни ее прямо в раковине тем же, чем сама руки моешь.

Я молча двинулась с рубашкой в прачечную комнату, так и не избавившись от внутреннего оцепенения. Там я тщательнейшим образом снова ее обследовала со всех сторон, а потом еще минут пять простояла, держа ее в руках и будучи не в состоянии понять, что же произошло. На рубашке не осталось ни малейших следов – ни крови, ни ржавчины, ни той липкой дряни, которая вылетела мне в лицо из сливного отверстия. На шелке даже следов от воды заметно не

было. Рубашка, конечно, выглядела несколько измятой, но в целом была совершенно невредимой, и на ней действительно не было ни пятнышка.

Глава одиннадцатая

Классическая школа для мальчиков «Король Генрих», 19 апреля 1989 года

В течение следующей недели я успела познакомиться со всеми преподавателями нашей кафедры. Помимо Синклера, всегда безупречно вежливого и несколько замкнутого, и, разумеется, Скунса, там имелись и двое молодых преподавателей – Хиггс и Ленорман. Хиггс оказался тем самым типом с вислыми усами, который тогда любовался моей грудью с верхней площадки лестницы. А француз Ленорман по-английски говорил с таким чудовищным акцентом, что это неизменно вызывало у мальчишек приступы буйного веселья. К сожалению, никто из них не относился ко мне по-дружески; по-моему, Хиггс насплетничал, как я тогда окрысилась на него на лестнице, и я старалась в помещение кафедры лишний раз не заходить, предпочитая общую учительскую, где всегда по утрам собирались разные преподаватели, чтобы почитать газеты и выпить кофе перед директорским брифингом.

Именно там я и обрела своего первого – и *единственного* – друга в этой школе. Каролин Маклауд преподавала драматическое искусство еще у Конрада. Рыжеволосая, с хриплым смехом заядлой курильщицы и давним пристрастием к аромату пачулей, она теперь, двадцать лет спустя, уже не выглядела, конечно, «почти как Дайана Ригг», но глаза ее по-прежнему смотрели молодо и дерзко, что наводило на мысли о занятиях карате и ношении ботинок «милитари». Она сама подошла ко мне и представилась, когда я на минутку заглянула в учительскую, чтобы выпить кофе перед занятиями.

– Я слышала, у вас была схватка со Скунсом, – сказала она. – Надеюсь, вы сумели дать ему сдачи?

Я неуверенно огляделась. Учительская, на мой взгляд, выглядела весьма импозантно: темные деревянные панели на стенах; потолочные балки покрыты никотиновыми пятнами, образовавшимися за сотни лет курения; преподаватели, развалившись на креслах с потрепанной бархатной обивкой, читают, пьют кофе или лениво переговариваются; над дверью дамского туалета нависают богато украшенные часы. Здесь я чувствовала себя столь же чужой и неуместной, как в том туалете для мальчиков, куда пробралась тайком в первый день своей работы в школе.

Мисс Маклауд заметила мою растерянность.

– Неужели вы не сумели его отбрызгать? Очень жаль! Здесь нужно уметь за себя постоять. Когда в 62-м я начала здесь работать, то была *единственной* женщиной среди преподавателей. И все упорно принимали меня за школьную секретаршу. Мне пришлось каждый день по-настоящему драться за свое место под солнцем, а порой и пускать в ход зубы и когти, чтобы удержаться и не скатиться вниз, к чему меня постоянно подталкивали. И вам, дорогая, тоже придется драться. Ибо с тех пор никаких особых перемен здесь не произошло.

– Догадываюсь, – пробормотала я, озираясь. Я уже заметила, что кроме меня и Маклауд в учительской есть еще две женщины, немолодые, от пятидесяти до шестидесяти, у обеих волосы с сильной проседью. Но если бы их не было, я вполне могла бы решить, что попала в некий джентльменский клуб девятнадцатого века, где, естественно, пахнет дорогой кожей, кофе и табачным дымом. – Интересно, а как *вам-то* удалось со всем этим справиться?

Она улыбнулась:

– О, во-первых, я тогда была очень хорошенькой, настоящее произведение искусства. А во-вторых, только что из Гертона³⁶, а потому вся такая неестественная и до невозможности театральная. Ладан, пачули и распущенные волосы. В то время в «Короле Генрихе» еще

---

³⁶ Известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1869 г.

не было кафедры драмы, только кафедра английского языка³⁷, где изучали «*Полное собрание сочинений Шекспира*». Я согласилась здесь работать исключительно по необходимости и все время чувствовала, что в любое мгновение могу с треском отсюда вылететь, но прошло уже тридцать лет, а я по-прежнему здесь. И у меня по-прежнему десять выступлений в неделю. Только «браво» никто не кричит и выходить на аплодисменты не приходится.

Я невольно улыбнулась:

– Да, здесь действительно постоянно чувствуешь себя актером на театральной сцене.

Мисс Маклауд рассмеялась. Ее хриплый смех прозвучал среди царившего в учительской негромкого гула как крики попугая, затесавшегося в стаю голубей.

– Ох, милая моя! Да все это и есть сплошная игра! Как в классе, так и вне его. Вы обречены *вечно играть роль* – перед мальчишками, перед другими преподавателями и более всего перед родителями учеников. Кстати, как раз родители-то и стали для меня ангелами-хранителями, поскольку им очень хотелось, чтобы в школе имела своя кафедра драмы. Именно поэтому я так надолго здесь и задержалась и с удовольствием устраиваю скандалы по любому поводу.

И я опять не сдержала улыбки.

– Ну и слава богу, – сказала я. – А мне пока что французская кафедра не дала почувствовать, как сильно они рады моему приходу.

Мисс Маклауд только плечами пожала.

– Ну, Скунс всего лишь пустозвон. А Синклер, может, и показался вам излишне чопорным и жестким, как классная доска, но на самом деле он не так уж и плох. Ленорман – просто тряпка. Хиггс – типичный стукач, так что следите за своими словами, когда он поблизости. Но в любом случае старайтесь прежде всего отстаивать собственные интересы. И ни в коем случае не позволяйте Эрику Скунсу вас запугивать или травить. А если захотите просто выговориться, приходите ко мне. Я всегда рядом. – Она протянула мне руку. – Здесь я для всех мисс Маклауд, но вы можете называть меня Керри.

– Спасибо! – Я чуть не расплакалась от благодарности, пожимая ее руку, хрупкую и сухую, буквально каждый палец которой был унижен позвякивающими серебряными кольцами. – А вы зовите меня Беки. И я ужасно рада, что познакомилась с вами.

– И я рада, милая, – сказала она. – Только не позволяйте этим ублоудкам смолоть вас в муку.

Остаток школьного дня я провела с ощущением надежды. Да и мальчишки из «старшего» 4S, несмотря на наше столь неудачное первое знакомство, на самом деле оказались вполне готовы к сотрудничеству, и я даже успела запомнить несколько фамилий. Там, например, имелись Персиммон, клоун класса, и его ближайший дружок и помощник Споуд; затем по иным признакам мне запомнились Оранж, который довольно сильно заикался, и Фенелли, у которого мать была француженка, так что на французском он говорил отлично, а вот писал с чудовищными орфографическими ошибками. Был нигериец Акинделе и японец Сато. У мальчика по фамилии Бердмен была астма, а Эндрюсу отец пригласил *au pair*³⁸ какого-то француза, который, похоже, с особым удовольствием учил мальчика всевозможным французским ругательствам и прочим неподобающим выражениям. К сожалению, прозвище «Asda Price», которое Персиммон дал мне на первом же уроке, ни истребить, ни отменить оказалось невозможно; оно то и дело появлялось то на обложках учебников, то на двери в класс, и я даже была вынуждена пригрозить карательными мерами, хотя организованных безобразий, как на самом первом уроке, больше не было. Я, конечно, пока еще сделала лишь маленький шаг к взаимопониманию, но все же начало было положено.

---

³⁷ В английской школе язык (как родной, так и иностранный) и литература на этом языке преподаются как один предмет.

³⁸ Т. е. на полный пансион за услуги по дому (*фр.*).

К концу недели я уже познакомилась со всеми классами, где мне предстояло преподавать в этом триместре, но, как ни удивительно, приятней всего мне было работать именно с тем 4S. Дети такого возраста часто бывают несобранными, а к концу триместра и вовсе разбалтываются, однако именно они обладают очарованием ранней юности и свойственными ей энтузиазмом и энергичностью. Ну, вам-то, Рой, о таких подростках все известно. Одни ваши «Броди Бойз» чего стоят. И еще одна вещь вызвала мое искреннее удивление: весь класс 4S после моего с ним не слишком удачного знакомства значительно улучшил и свое поведение, и свою успеваемость, причем, возможно, именно из-за того вторжения Эрика Скунса. А может, и вопреки его угрозам.

Вообще Скунс в школе популярностью не пользовался, поскольку имел репутацию человека и несправедливого, и непостоянного. Ученики прозвали его «доктор Эгтман»³⁹ и постоянно подшучивали над проявлениями его переменчивого темперамента, но особого уважения к нему не выказывали в отличие, скажем, от доктора Синклера. Вместо уважения он своими выходками каждый раз вызывал скрытые насмешки, неловкое молчание и множество разнообразных граффити – и на классной доске, и на обложках учебников французского языка.

*Mr Scoones est un doofus*⁴⁰.

Mr Scoones is the Eggman.

А однажды на спинке учительского стула на темном дереве глубоко процарапали чем-то острым, видимо, отломанной стрелкой компаса: *Mr Scoones is a nonce*⁴¹.

Ну да, конечно. Наши ученики всегда сразу понимают, если с учителем что-то не так. И если бы вы, Рой, не были его другом, то, как мне кажется, тоже давно бы это заметили. Заметили бы эти бесконечные граффити; заметили бы, что мальчики старательно избегают его общества. Заметили бы, что он постоянно отказывается от классного руководства. И тогда вы увидели бы в Скунсе того, кого видели в нем ваши ученики, а не тот удобный для вас образ, что был создан вашими же иллюзиями. Разумеется, с вами он был особенно осторожен. И старался внушить вам, что абсолютно нормален. Ведь вы знали его с детства; вы всегда оставались для него хранителем любых возможных оправданий.

Да, Рой: он всегда смотрел на вас как бы снизу вверх. Завидовал вашему призванию учителя. Завидовал той легкости, с какой вы могли смеяться и шутить с ребятами на занятиях, тогда как ему самому было дано лишь наблюдать за этим издали и терзаться собственными неудовлетворенными желаниями. Конечно же, вы никогда бы этих терзаний не заметили. Вам бы и в голову никогда не пришло, что ваш старый друг способен скрывать от вас столь мрачные тайны. Однако у всех нас есть свои тайны. Кому это знать, как не мне. У меня, Рой, этих тайн больше, чем у многих. Вопрос лишь в том, стоит ли о них рассказывать? И какую из своих тайн мне следует вам раскрыть? Или, может, вы предпочтете, чтобы я все так и оставила при себе?

³⁹ Он же Доктор Айво Роботник, заклятый враг ежика Соника в серии видеоигр, фильмов и комиксов.

⁴⁰ *Doofus* (англ. сленг) – придурок.

⁴¹ *Nonce* (англ. сленг) – педофил.

Часть третья Лета (река забвения)

Глава первая

(Классическая школа для мальчиков) «Сент-Освальдз», академия, Михайлов триместр, 8 сентября 2006 года

Пятница первой недели триместра обычно возвещает некое ускорение, смену темпа. Имена и фамилии учеников выучены; тесты проведены; текущие планы в действии; авторитет учителя завоеван; нарушители спокойствия выявлены. Так что на следующей неделе мы уже начинаем работать по-настоящему. Следующая неделя будет снова целиком посвящена делам. Не решен лишь вопрос с тем грязным комом тряпья и костей, который, вполне возможно, некогда был мальчиком в форменном блейзере школы «Король Генрих».

Еще в младших классах мы с Эриком, будучи истинными «оззи», то есть учениками «Сент-Освальдз», питали здоровое презрение ко всем представителям школы «Король Генрих». Тамошние мальчишки были богаче и слабее наших, да и плата за их обучение была существенно выше. И потом, в той школе было гораздо больше всевозможных удобств – например, просторный физкультурный зал и плавательный бассейн. А в «Сент-Освальдз» с его зарастающими лесом игровыми полями, с которыми соседствовали бездействующие заброшенные шахты, ничего этого не было и в помине. Учащиеся классического отделения «Короля Генриха» изучали арабский язык, а не только латынь и древнегреческий. И на Досках Почета у них красовались имена нынешних студентов Оксбриджа или членов сборных команд по регби обоих университетов, тогда как наши выпускники редко поступали в Оксфорд или Кембридж, предпочитая местные университеты – в Шеффилде, в Манчестере, в Лидсе.

При этом Эрик всегда стремился выбрать более высокую цель. Он с самого начала надеялся, что сумеет найти более интересную и престижную работу, чем преподавание в школе «Сент-Освальдз», и поистине великим разочарованием для него стало то, что этим надеждам так и не суждено было сбыться. Переход на работу в школу «Король Генрих» стал для него, должно быть, почти воплощением той мечты, но в итоге он все же вынужден был вернуться в «Сент-Освальдз», однако мне так толком ничего и не рассказал о минувших семи годах, разве что заметил вскользь, что там слишком многое его не устраивало. Может, Эрик в итоге понял, что он со своей физиономией в «Короле Генрихе» не ко двору? А может, просто соскучился по «Сент-Освальдз»? Или же его заставили вернуться совсем другие, куда более тревожные причины? Если такие причины действительно имелись, то эту тайну он мне так и не открыл. Время от времени я задавал ему эти вопросы, но в ответ он каждый раз ворчал нечто невнятное насчет того, что тамошние коллеги его не уважали, а богатые родители запросто снимали своих отпрысков с уроков прямо посреди напряженного летнего триместра, чтобы, скажем, поехать с ними в Уимблдон на международный турнир по теннису, и были абсолютно уверены, что учителя уж как-нибудь исхитрятся и перенесут экзамены на столько дней, сколько понадобится их сыновьям, чтобы почувствовать себя готовыми сдать тот или иной предмет.

Я-то, конечно, только обрадовался, когда Эрик снова к нам вернулся. Однако у меня к нему имелась масса вопросов. Впрочем, он и раньше часто бывал скрытным, а уж теперь и подавно, как я понимал, расскажет только то, что захочет сам, и в тот момент, который сам сочтет подходящим. И потом, «Сент-Освальдз» – это ведь некий особый мир, существующий как бы отдельно от всей остальной цивилизации; мы вечно поглощены всякими там учебными планами, расписанием уроков, школьными поездками, новичками, сложностями с привратни-

ком и прочими крупными и мелкими делами и делишками – словом, всей той трагикомедией, если не сказать фарсом, что всегда сопровождает любую классическую школу в ее путешествии по бурным морям юношеского взросления. Короче говоря, мне так и не удалось окончательно выяснить те причины, которые вынудили его уйти из «Короля Генриха» и вернуться в «Сент-Освальдз». Не сумел я также понять и того, был ли он вообще рад к нам вернуться. Мы с ним остались друзьями и продолжали жить, как жили раньше: вместе пили чай, критически анализировали скандалы, случавшиеся в учительской, закусывали сэндвичами с ветчиной и сыром, а также (это в основном касалось меня) еще и украдкой выкуривали во время перемен запретную «Голуаз». Мы по-прежнему каждую неделю посещали паб «Жаждающий школяр» и пили пиво с «завтраком пахаря»⁴²

---

⁴² Дежурное блюдо английских пабов – хлеб с сыром и маринованным луком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.